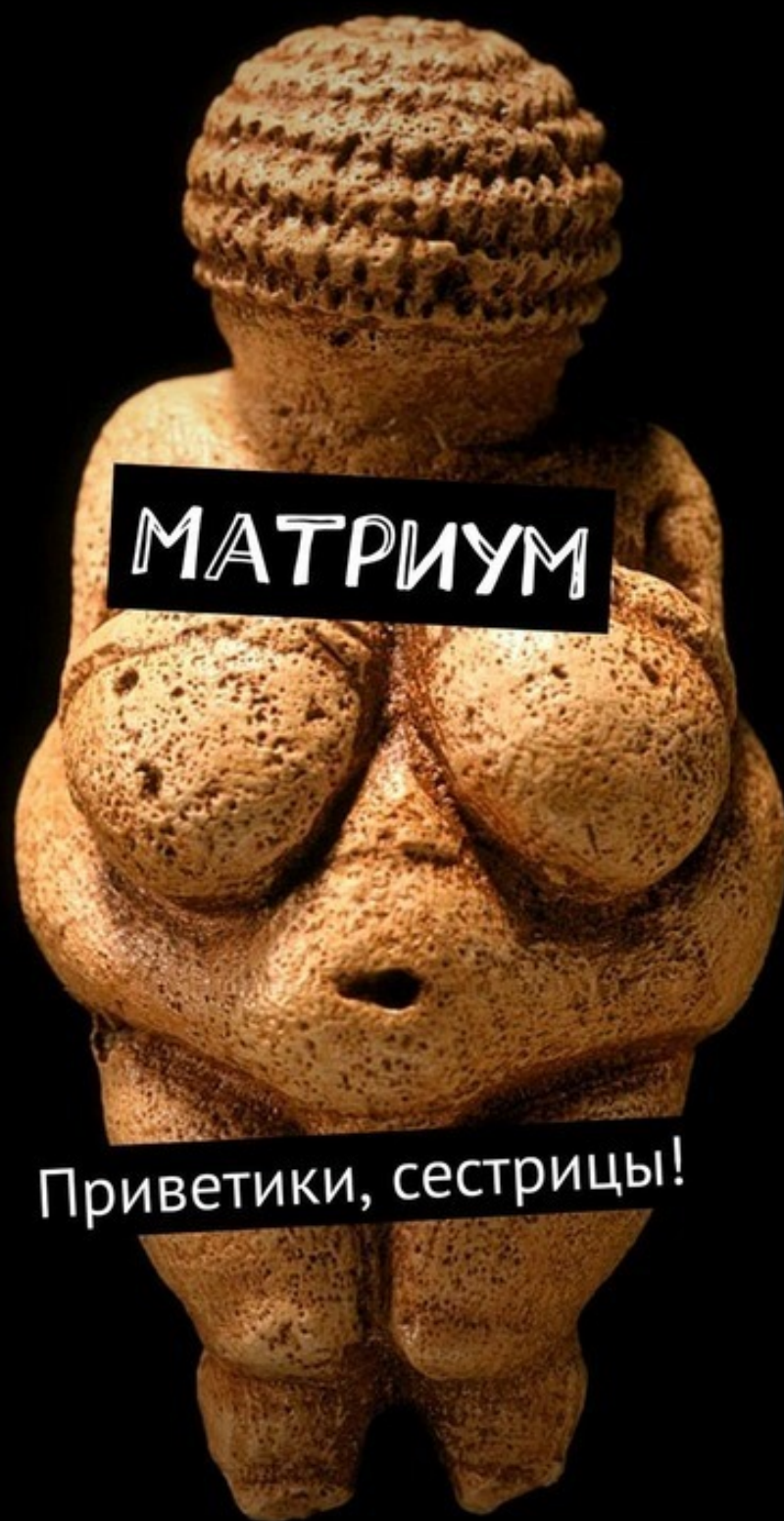

Алекс Соловьев

МАТРИУМ

Приветики, сестрицы!

Алекс Соловьев

Матриум. Приветики, сестрицы!

«Издательские решения»

Соловьев А.

Матриум. Приветтики, сестрицы! / А. Соловьев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-938101-9

Иллка Брук — далеко не самая статусная гражданка Матриума: она — недоженщина, и чтобы достичь уровня истинной Женщины, ей надо заработать заветную тысячу лайков, а для Иллки это — недостижимая мечта. Сейчас она на самом дне общества, даром, что жительница Каллионы — роскошной, ослепительно сверкающей столицы идеального мира. Усложняет Иллкину жизнь то, что она — маскулина или, проще говоря, самец. Но однажды в жизни Иллки наступает кризис и, чтобы преодолеть его, Иллка решает нарушить правила.

ISBN 978-5-44-938101-9

© Соловьев А.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Илка Брук	6
Глава 2. Фарри Мккрай	39
Глава 3. Илка Брук	43
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Матриум Приветики, сестрицы!

Алекс Соловьев

...Главным и первенствующим является у них спор о том, в чем именно заключается человеческое счастье...

Томас Мор «Утопия»

«Я даю себе слово, что стану самой прекрасной женщиной всех времен и народов», – сказал Сидоров Николай, глядя на себя в зеркало.

*А. Александров «Фрейд отдыхает или
Прощай, кушетка психоаналитика»*

© Алекс Соловьев, 2018

ISBN 978-5-4493-8101-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Иллка Брук

Ну, если уж вам, сестрицы, и вправду охота послушать, то садитесь и слушайте, я ведь вовсе не против поболтать. Заодно мыслишки по полкам растолкаю, порядок наведу. А-то в башке бардак до сих пор. Еще и мотивчик этот засел, никак не отвяжется, старинный такой, он в храмотории прилепился, когда мы к нашему шоу готовились. Нас его господин Мэдж по сто раз на дню заставлял слушать. Говорил, для общей настройки. Назывался он «Военный марш». А светлейшая госпожа Клевеланд объяснила мне, что в этом саунде есть особая эстетика неотвратимости, и хотела, чтобы я непременно ее прочувствовала. Ну им-то виднее, они оба продвинутые, особенно госпожа Клевеланд.

Так вот. После нашего шоу прошло четыре декады, и три из них я провалялась в клинике. Там у них специальная ванна с гелевой простынкой. Прямо в ней я и лежала, и по мне эпителизаторы ползали: это такие плоские слизкие червячки, они мне раны и порезы заживляли. Только слишком уж тесно там. Сами видите, какие у меня габариты.

И пока я лежала в той ванной, кучу всякой всячины передумала. О том, например, как господин Мэдж и светлейшая госпожа Клевеланд задурили мне голову. Сказали, что для храмотория я настоящая находка, и что они от всей души хотят мне помочь и развить якобы имеющиеся у меня таланты. Обещали сделать из меня няшку, рейтинг со славой пророчили. Ну а я-то, как про славу услышала, тут же и купилась с потрохами, хотя запросто можно было отнекаться, – уж где-нибудь нашлось бы теплое местечко, чтобы приткнуть меня, пусть хотя бы в какой-нибудь паршивый салончик вроде того, где я раньше подрабатывала, – не так уж там и скверно, честное слово.

Но тогда я еще наивная была и не смекнула, что на самом деле их интересовала не сама я, а мой архоз. Теперь-то мне это ясно как пять пальцев. Дело в том, что в наши времена архоз – большая редкость, эта штука связана с психикой, она у меня с детства, я с этим на свет появилась. Вы не поверите, но они там даже целую науку надумали выстраивать из этой моей необыкновенной болячки. А мне, как я уже сказала, наобещали золотые горы. Клянусь вам, все так и было. Но в итоге от всех моих стараний – пшик. Облом вышел, если так поглядеть. Потому что во мне, как и раньше, бурлит вся эта мерзкая йецерара¹ вперемешку с той жалкой капелькой мимишности, которую я с таким трудом в себе сберегла. Гремучая смесь, да еще ко всему теперь этот дурацкий мотивчик в башке.

Только я вроде как немного вперед забегаю, сестрицы.

Значит так. Сама я из Каллионы. Столичная, как говорится, штучка. И зовут меня Иллка Брук. Для справки, Иллка в переводе с какого-то там древнего языка, не помню уж, какого, обозначает «звезда».

Насчет того, что я в этот ваш спецлагерь попала, нисколько не расстраиваюсь, – тут мило, почти как у нас в храмотории. Комната, хоть не апартаменты, но и не шамбрет какой-нибудь, – есть у меня и трансформер, и мягкая мебель: короче, жить можно. Только не понятно, зачем столько игрушек, мне-то они без надобности, я в игрушки с двадцати двух лет не играю.

Теперь, после храмотория, у меня есть настоящая покровительница, так что ко мне пока не лезут – никаких, там, тестов-шместов и прочей мозготрепки. Просто велели ждать – вот я и жду. Так что в целом все чики-брики. Да и раны уже практически затянулись. То есть вы, конечно, ахнули бы, если бы я скинула халатик, там пока не очень красиво, но докторессы уверяют, что от этой живописи можно в два счета избавиться, надо только рейтинга поднакопить – лайков тридцать-сорок хотя бы. Да уж, легко сказать. Только вы не думайте, будто я какая-нибудь потеряшка, которая изо всех сил пытается выглядеть позитивно, – ничего подобного.

¹ Йецер-ара (ивр.) – дурное начало

Наоборот – все и вправду налаживается, а насчет рубцов я не переживаю. В нашем мире каждому найдется свое местечко, как я уже сказала. Если снова определяют к продвинутым, мне все вмиг исправят, а тут, среди нижних, я и такая сойду.

Вот только бы еще от кошмаров избавиться. А то по ночам пережитое все-таки дает о себе знать. Больно много всего за последние полгода навалилось, и все это как-то переварить надо. Вот, например, вчера. Снится мне псина, этакая откормленная тумбочка, вся аж лощенная, а на шее – розовый бантик. Стоит ко мне задницей, чего-то там жрет – уши пошевеливаются. И все это не понять где: стены и пол – все такое белое-белое. Обхожу, глядь, на полу малютка – крошечная совсем, и – фу, какая жуть: эта тварь у нее в животике уже целую яму выгрызла, брр... И еще мне будто откуда-то известно – та малютка, она не как мы все, не из яслей, а из семьи. Ну, то есть вы поняли, как у древних. Будто породили ее маскулина с феминной самым что ни на есть животным образом – то бишь, пардон, прямиком из вагины. А псина как будто там у них и живет, и эта псина – самка, я это поняла по тем пупырышкам на пузе, как они там у них называются... И тут – представляете? – малютка поворачивает головушку – махонькую такую, как кулачок, – и зырк на меня, а глазки-то голубые, ясные – прямо лазурные, таких и в жизни-то не бывает. И от этого взгляда мне горько стало.

В храмотории я все свои сны пересказывала господину Мэдж или светлейшей госпоже Клевеланд, они мне про них все растолковывали. Там, во снах, куча всего зашифровано, и теперь я одна ломаю башку над всеми ихними загадками.

Да, я не объяснила вам, что такое храмоторий. Это такое место, где продвинутым лечат нервы разными тренингами, медитациями и процедурами, но подробнее об этом позже. Сначала я вам о себе расскажу.

Хотя это непросто – говорить о себе. Ведь если уж говорить, то правду. А правда, если разобраться, это довольно туманная штука. Взять хотя бы мое прошлое – гимназиум, бакалавриат: раньше жизнь у меня была скучной-прескучной, как трещина на потолке. И где там я, в той моей прошлой жизни? Жила я по самому простенькому мироконцепту, какие бывают: стандарт-минимум-лайт, – слышали, конечно, про такой? Там всего-навсего девять пунктов – для самых ленивых бездельниц вроде меня. Но, как бы там ни было, этот минимум я выполняла добросовестно и вела себя как порядочная матриумианка. Дело-то нехитрое. Дома – головид: знай, сиди, тарасься. А еще – старенькая прялка для умиротворения и развития мелкой моторики (хотела бы я поглядеть на ту гору пряжи, что за свою жизнь перепряла), а еще – разные душеполезные мантры – два томика из натуральной бумаги, мне их на двадцатипятилетие подружки подарили. При чужих я, как водится, всегда прилежно косила под нормалку: глядите, мол, какая я вся из себя позитивная, аж искорки из макушки сыпятся. Бывало, от вымученных улыбок щеки сводит. Мы в Каллионе все друг перед дружкой из кожи лезем, чтобы казаться белее и пушистее, чем есть на самом деле. Сейчас даже вспомнить противно. Так что раз уж я взялась рассказывать вам мою историю, то на сей раз – честное-пречестное слово – не стану притворяться и приукрашивать, а расскажу все как есть. Ну, а если где ненароком и переиначу, то уж простите.

Господин Мэдж был моим гуру, и я с ним до нашего шоу тесно контактила. Сперва я с ним не очень была согласна, много чего не понимала, а теперь кое-что стало до меня доходить. Кстати, я о нем беспокоюсь – как он там? Его ведь никто не любит теперь, не то, что в былые времена. Оно и понятно, ведь теперь его иногда прямо-таки несет – сегодня одно болтает, завтра – другое. Говорит – потому что в жизни тоже все относительно и противоречиво. Так уж у них, у продвинутых, заведено. С одной стороны, они вроде как много чего знают, а с другой – запросто могут себе позволить поменять мнение, когда им вздумается. Хотя в мироконцептах всюду пишется, что менять мнение – некомильфо. Само собой, я вам потом растолкую, кто такой господин Мэдж, и отчего это я о нем в самцовом роде говорю. Потом вы все поймете, а пока уж потерпите.

Была у меня на эротинге одна клиентка, маскулина, большая любительница пофилософствовать, звали ее Имра. Одно время я ее частенько теребонькала, шибко нравились ей мои руки. И вот однажды как раз перед тем, как кончить, она мне говорит: «Знаешь что, Иллка, а ведь истина – это тоже что-то вроде оргазма. Почувствовать ты ее можешь, а удержать, как ни старайся, все равно не получится». Я тогда похихикала, но это очень верные слова, насчет истины, тут я с Имрой целиком согласна. Так что буду рассказывать вам все по порядку, а истина пускай тем временем между слов проскальзывает.

Итак, начну с самого-самого начала.

В действительности мои неприятности начались даже не утром пятого дня седьмой «л»-декады, когда за мной прилетели две чопорные недопродвинутые дуры из рейтингового (о, как же я ненавижу эти их глупые красные чепцы и важные лица!), а накануне, когда вместо того, чтобы начать новую жизнь, я совершила самый бестолковый и отважный в жизни поступок.

Хотя, по большому счету, все завязалось даже еще раньше – за полгода до того сумасшедшего вечера. Только в башке такой микс, что сейчас я уже ни в чем не уверена. Постараюсь выстроить аналитичную цепочку. Так меня учили экспертессы из Института Общества, я вам о них и о том, как они меня учили, тоже потом расскажу.

Вернувшись с вечерней смены (я работаю, как вы уже поняли, в салоне эротинга, чего, кстати, ни капли не стыжусь), я заказала флакон с напитком серии alcohol и самым неприличным образом надралась.

Тут, наверное, стоило бы сделать паузу – вам ведь, вроде как, надо дать это переварить, если, конечно, вы вообще в курсе, что такое «надраться».

Надраться, сестрицы мои, это значит, напиться, нагрузиться до состояния опьянения, наклюкаться, то есть когда у тебя башка кругом идет, а в душе беспричинная радость и легкость – вот так. Да-да, сестрицы, я не оговорила, и вы не ослышались, – конечно, все это ужас и кошмар, но умоляю вас ради святых Матриа, не ахайте и не падайте в обморок, потому что все это пока цветочки, а сама история будет жесткая, ух, какая жесткая, это уж я вам обещаю. Так что пауз для обмороков делать не будем, а то мне и декады не хватит, чтобы рассказать свою удивительную историю. Поэтому просто сидите и слушайте дальше.

И вот, значит, лежу я на полу вся такая расслабленная, кайфую, и нет сил шевельнуться. Там, за стенами у всех полный порядок – кто читает, кто прядет, кто головид смотрит, а я тут на полу лежу – пьяная, падшая и не такая, как все. Лежу и потолку улыбаюсь. Помню еще, спина у меня здорово затекла, ведь на полу не особо удобно лежать, но я терплю, потому что такая уж у меня привычка – терпеть. Казалось бы, трудно ли в постель перебраться? А вот, представьте себе, неохота. Терпеть и кайфовать для меня совместимые вещи, потому что я ленивая. Я ведь недоженщина и, возможно, оттого, что я это понимаю, каждое лишнее движение для меня – проблема. А я – не просто недоженщина, а малообразованная бучка с критически низким статусом.

Я вам уже сказала, что с завтрашнего дня собиралась начать новую жизнь, но в тот вечер я решила не думать о моих планах – мне хотелось просто забыться. А насчет того, что спина ныла, то я могла терпеть сколько угодно, к боли я привычная. Например, уже три года я маюсь одной редчайшей болячкой (вы заметили, что я вообще склонна ко всяким редчайшим болячкам?). Эта штука называется «анальная эпилепсия»: ни с того, ни с сего как скрутит, пардон, в попе, – боль такая, аж слезы бегут. Эту штуку еще по-другому называют – прокталгией, но это смотря в какую клинику попадешь. Так вот, хуже всего, если ночью: вроде и спать охота – в сон проваливаешься, но боль тебя из сна обратно выталкивает, – ужасное наказание. Мне эти мучения всю мою жизнь напоминают.

Докторессы меня обследовали, сказали, с органами все оки-оки, вся проблема в нервишках, мол, часто психую, оттого и приступы. Интересовались: отчего психую? – ведь жизнь прекрасна. А я не то, чтобы психую – просто обстоятельства неудачно складываются, невезучая я. А тут еще и любые таблетки бессильны, эту заразу не снимают даже самые сильные лекарства. Но если настроиться особым образом, приступы будут реже.

Одна докторесса объяснила, что по какой-то древней науке анальная эпилепсия – болезнь философская, – у нее особый сакральный смысл: мол, таким образом природа подталкивает меня к поиску предназначения, подсказывает, чего не хватает для нормальной жизни. Я ей говорю: ахах, так я, по-вашему, философка, да? А она мне: еще не поздно все исправить, наращивайте рейтинг, учитесь, развивайтесь, растите духовно и нравственно. Только это бред, потому что, когда случаются приступы, тут уж никак не до философствования, не до развития, поверьте. Ну, а в остальное время, когда ничего не болит, думать об этом тоже как-то неохота. Вернее, так было раньше. Теперь же у меня много всяких интересных мыслей в голове. Я даже думаю, что все-таки та докторесса права, тела ведь мы у природы позаимствовали, так что надо прислушиваться к тому, о чем она – природа – нам говорит. И в предназначение я тоже верю.

Конечно, чтобы к таким вещам прислушаться, надо с мое пострадать, а я реально страдала. Потому что если ты – недоженщина, и у тебя в строчке про мироконцепт отметка «стандарт-минимум», дела твои дрянь. Сперва думаешь: только бы не съехать до нуля, ах, только бы не съехать... Еще бы – с детства в тебя вдалбливают: все, что с минусом, – изврат, мерзость и йецерара. Но когда фука (так у нас называют персональную футур-карту) показывает, что на счету у тебя ноль лайков, твои мозги мало-помалу перестраиваются, и ты как бы продолжаешь барахтаться дальше. Ладно, думаешь, побуду денек-другой нулевкой, ведь не ругают же и из квартиры не прут, пару дней позора можно и пережить. Но вот – сюда-туда – и ты уже ступенькой ниже стоишь, когда даже ноль для тебя – желанный якорь, и надо за него изо всех сил держаться, волчком крутиться, а не то – абздолыц! – бухнешься в минусовую бездну. Тут-то и начинается самое занятное.

Вы уже догадались, в чем дело? К тому времени, сестрицы, я реально заминусовала, и надо сказать, довольно прочно заклинило меня на минус-первом – вот уже несколько декад ни туда, ни сюда – точно заколдовали. Вроде и не всемирная катастрофа, но я была наслышана, что рейтинговое агентство такие выходки четко сечет и при каждом удобном случае припоминает. От этой невезухи у меня развился депресняк, и оттого я вообще перестала в фуку заглядывать. Другая на моем месте озаботилась бы и приложила усилия, чтобы хоть как-то до плюса докарабкаться. Само собой, я тоже подумывала, что надо бы постараться и все такое, но прошла уйма времени, прежде чем я решила положить этому конец.

Особенно меня достали клиентки. Хотя именно благодаря им я еще и держалась на плаву. Лет пять назад, когда записалась на курсы эротинга, комиссия нагадала мне падение рейтинга до минус трех и соцсодержание. Сказали: скоро, мол, в Каллионе отпадет потребность в услугах такого рода. Как бы не так! Если уж когда-нибудь похотливые недоженщины и переведутся, то не на моем веку. А эротинг – дело плевое, любая может освоить, были бы руки, а на руках пальцы. Зато час-другой в салоне, и у тебя – твердый ноль. А если поднатужиться, то и пару лайков сверху можно зашибить. Сказать-то легко, но на самом деле салон здорово выматывает. Руки от непрерывного теребоньканья реально болят, особенно если нет привычки вкалывать по графику. Эх, думаешь, сейчас бы перед головидом поваляться, бунбунсы понямкать да помечтать. Ахах! – я ведь, сестрицы, еще та фантазерка. Вот только когда у тебя на фуке пятьдесят лайков, ты можешь себе какие хочешь сладости заказать, а с минусом одним тебе даже несчастную карамельку не предложат.

Вообще-то есть у меня подозрение, что в программе, которая нахимичила мою ДНК, изначально была какая-то ошибка. Что-то со мной не так. А еще приплюсуйте плохую инфоэкологию. Как ни крути, а все это инфополе, что вокруг нас, в буквальном смысле напиич-

кано разными гнусными вирусами и самораспаковками. Они только и ждут, чтобы долбонуть по башке и заразить нехорошими желаниями. Понятно, что весь этот хлам – отходы эффектинга и прочих манипулингов. А еще я слышала, его нарочно создают какие-то особые бучи-подпольщики. Короче говоря, весь этот инфомусор жутко опасен. Он может превратить твое плодоносное крео в засохшую колючку, а кто ты без крео? Это же твой творческий потенциал. Без него ни шить, ни вязать, ни картины рисовать, ни аппликации делать, ни карьеру строить. Без крео ты дура-дурой, для которой единственное счастье – сидеть за прялкой и тупо пялиться в головид.

Верите ли, но я никогда в жизни не устанавливала креозащиту. Просто потому, что нечего было защищать. То есть крео у меня не полный ноль, но если верить тестам, оно такое микроскопическое, что для карьеры непригодно. Вот так я и заражалась инфомусором всю свою бестолковую жизнь, начиная с гимназиума. И постепенно стала тем, кем себя считаю – ходячим недоразумением.

...И вот, значит, вечер четвертого дня седьмой «л» -декады. Лежу я на твердом полу вся в зыбком релаксе, а в это время alcohol во мне делает свое грязненькое дело. Спина побаливает, а я прислушиваюсь к ощущениям и думаю как бы отстраненно: «А ты не заморачивайся, дорогуша, лежи себе, балдей. Это ведь как-никак последний вечер твоей прошлой жизни».

Еще днем, когда я собиралась на эротинг, то сказала себе, что надо как-нибудь по-особенному отметить конец прошлого этапа и начало нового. У меня от этой мысли даже настроение поднялось после долгого депрессняка. Хотелось, чтобы этот момент как-то запомнился. Ну, типа, знаете, «Часть вторая. Иллка Брук возвращается», как в каком-нибудь старом кино. В общем, решила позволить себе чуть больше, чем обычно. Завтра начнется другая, по-настоящему интересная жизнь, поэтому глупо будет сегодня вечером как обычно нудиться за прялкой. Ну, и стала я, значит, прикидывать, что именно из низшего мими могу себе позволить. Само собой, на среднее мими рейтинга не хватало. Для некоторых низшее мими – это попкорн с пресной газировкой, стандартный вариант. Сказать по правде, ни то, ни другое терпеть не могу. В общем, как ни ломала башку, выходило, что единственным вариантом был alcohol. Тем более, меня всегда тянуло к экзотике и ко всему запретному. Я еще на всякий случай спросила у подружек из салончика, что они думают на этот счет, но эти мартышки такую ерунду насоветовали, что лучше бы я к ним не обращалась.

Короче, как говорится, была – не была. Собралась я с духом и решила нарушить правило, что alcohol – это у нас как бы табу, хотя, признаюсь, до сих пор мне неизвестно, где именно такое правило записано. Негласное оно.

Я, конечно, немного волновалась. Когда знаешь, что делаешь что-нибудь неправильно, на душе всегда кошки скребут. А тут не просто какой-то выпендрож на словах, а целый флакониче alcohol. Что, если за такое разгневется сама сфера и рухнет прямо на мою глупую макушку? Вот умора-то! Да-да, я ведь раньше жутко наивная была. Но с того момента как я заказала alcohol, прошло уже часа три, а сфера все так же висела на своих стенах и подставках, отделяя Каллиону от небес.

И вот лежу я в темноте, а в ногах волшебным кристаллом покоится моя малышка Зука. Вы-то вообще в курсе, что это за вещица такая? – а то в храмотории не все о ней слышали. Зука – это моя милая, драгоценная зубная мини-комната, моя любовь, я ее просто обожала и ужасно гордилась, что она у меня была, но теперь это уже моя ностальгия и моя боль.

И вот, значит, лежу, а в башке мало-помалу проясняется, и я снова вспоминаю о моем магическом напитке. Глядь – вот же он, зеленый флакон-огурец, – прямо на зеркальной крышке Зуки стоит. Меня аж в пот бросило – что за растяпа! Подхватила, осторожно убрала. К счастью, следа на крышке не осталось.

Вы, наверное, хотите знать, к чему я вспоминаю всю эту дребедень, но такой уж у меня обычай с тех пор как в Институте Общества мне в мозги записали программу под названием психоанал и научили правильно мыслить. В каждой мелочи может обнаружиться глубокий смысл. Если вы его пока не обнаружили, просто слушайте дальше.

В те дни между мной и Зукой была как бы невидимая связь, я все время ее чувствовала, даже когда меня дома не было, но вот сейчас у меня уже нет моей любимой Зуки, и нет больше повода переживать за ее зеркальную крышку.

А теперь идем дальше.

А дальше было то, что я сделала еще несколько добрых глотков, и по телу пошли новые волны счастья. Между прочим, за двадцать семь лет моей жизни это уже мое второе знакомство с серией alcohol, так что судите сами, какая я порочная (правда первый раз я только пригубила, и случилось это на презентации моего видоса).

Напиток, который я пила в этот вечер, назывался херес, пятьдесят лет выдержки, и это было не питье, а нежный огонь. Там был не один вкус, а много разных, но все они как бы сливались воедино в некоем невидимом фантастическом танце, если можно так выразиться. В тот вечер мне хотелось обращать внимание на такие детали.

А еще я думала: неплохо бы понюхать чего-нибудь, сюда бы сыра или, там, мит-биточков на гриле, да чтобы с корочкой, или оливок, или каракатиц каких-нибудь. Да уж, фантазерка, будь у тебя рейтинг хотя бы на поллайка выше.

Я знала, что делаю глупость, но решила все же испробовать судьбу и вызвала меню. А может, я уже тогда предчувствовала, что вот-вот что-то натворю, и просто пыталась оттянуть события.

У нас в районе одна на всех куколка-повариха Лулу: она вся такая из себя слащавая няше-пусечка, белоснежка в малиновом переднике. Если кто из вас скатывался до минус-одного, то догадается, что я услышала. «Добрый вечер, сестрица! Чудесно выглядите! Ах, к сожалению, сегодня для вас выбор невелик, но могу предложить комплекс „Здоровье“: крахмальное пюре с соевыми сливками, ржаную лапшу с маргарином или хлопья из смеси злаков с растительным молоком. Из напитков – искусственный сок, зеленый чай и аква „стандарт“».

Короче, нуль-меню, отвратный эконом-ужин. А чего еще было ожидать? Понятное дело, аппетита как и не было. «Комплекс „Здоровье“? – говорю, – Ах, знаете, милая, я уж вроде как и передумала, нехорошо ведь на ночь наедаться, верно?». Этой Лулу на все начхать, она же виртуальная, – короче, просияла во все тридцать два, пожелала мне высокого рейтинга и отключилась.

И в эту самую минуту, как только она отключилась, на меня – бац! – снизошло откровение. Надо же, – думаю я про свой alcohol, – ведь если разобраться, это продукт самого наивысшего сорта, премиум-класс. Туда столько всякого труда вложено – разные, там, рецепты, технологии. . . Пригуби его – даже и необразишь, как о нем сказать, столько всяких оттенков, ну, хоть стихи сочиняй. Шедевр! Небось этот самый херес когда-то давным-давно, при самцах, считался настоящим бонусом для продвинутых. А между тем я, Илка Брук, младшая бакалавресса (ни то, ни се – базовая поэтесса-художница-музыкантка по образованию, а по профессии клип-модель), сейчас, здесь, в двадцать четвертом веке, запросто могла бы позволить себе пить его каждый день. Даже имея при этом самый низкий рейтинг. То есть, ясное дело, все это чисто фантазии, потому что ни одна чокнутая не станет заказывать alcohol каждый день или даже раз в декаду, но все ж таки. Или, может, я чего-то недопонимаю? Тогда вы сами рассудите: пить alcohol – это как бы не комильфо. Ну, а если это вэри-бэд, то для кого тогда эту штуку производят? Alcohol есть повсюду, он легкодоступен и он восхитителен, но мы его никогда себе не позволяем. Почему? А что, если это мы сами себя пугаем, а на самом деле никакого запрета нет? Или он был, но потом его отменили? Или даже не так: когда-то в детстве каждой из нас намекнули, что это нехорошо.

Вот какие революционные мысли, сестрицы, мне тогда неожиданно в башку стукнули, только ответа на них не было. А вообще я читала, что когда-то давным-давно питье было чем-то вроде религиозного ритуала, и, до того, как выпить, даже полагалось произносить особые речи, только не помню, как они назывались, – был бы тут господин Мэдж, он бы вам растолковал. Но об этом господине позже.

Итак, слушайте дальше. Решила я перебраться на кровать, но каким-то образом снова на полу очутилась. Сижусь себе, коленки обняла, а мысли в башке все красочнее, какие-то странные идеи там появляются, – куда-то меня все время тянет... И тут вспышка в окне: «Респект креативу!», – этаким разноцветный фейерверк, и это тоже очень странно, потому что вообще-то на нашем краю сферы их редко показывают, и каким только ветром его сюда занесло? Окно мое прямо на городскую стену глядит, там широкий просвет и через него хорошо виден лес – до самого горизонта, один сплошной таинственный лес, и над ним никогда прежде ничего такого не летало. Ну, вот честно, как будто весь мир меня провоцировал.

От той вспышки в комнате стало как днем. Я зажмурилась, и меня закачало. Это от хереса, – вообще на самом деле пьянеть очень приятно, только лицо немеет. Я – давай его растирать, вроде попустило, но тут новая беда: на щеках и подбородке обнаружилась щетина. Она, конечно, и до этого там была, но я о ней забыла, а тут она мне о себе напомнила и сразу испортила настроение. Она прямо шуршала под рукой, а фотоэпиляция при минус-одном лайке – раз в пять дней, как не отчаяться?

Иногда эта дурацкая щетина просто с ума меня сводит. Вот честное слово, отчего не придумать, как избавляться от нее дома – в том смысле, что самостоятельно? Скажем, что-то вроде Зуки. Ведь в дошлиманскую пору бучи-самцы, все эти ископаемые викинги, мачо и древние мужики как-то умудрялись сами себя эпилировать! Почему же теперь мы не можем как они за собой ухаживать? Они что, там, мудрее нас были, что ли? Или взять электроэпиляцию, которой пользовались лет двести назад, – от нее же реальный толк был: говорят, целый год щетина не росла, – почему отменили? Нет, правда, все это словно нарочно делается, чтобы мы страдали, чтобы чувствовали свою неполноценность.

И тут снова злые, мятежные мысли накатились. Омайгат, что за жизнь в нашем Матриуме! Сколько же все это безобразия еще будет тянуться? Вечно чего-то ждешь, сюсюкаешь, льбишься, выклянчиваешь, вечно перед кем-нибудь реверансы выделашь, все время оправдываешься, а толку-то? Все эти няшки, киски, мимишки – они не скрывают своего явного над тобой превосходства, а только кругом его выставляют, а это больно. И это еще у них манерами называется, им плевать на весь мир, и особенно на нас, бучей. А ты все ждешь, дура наивная, но однажды до твоей тупой башки доходит, что никуда ты не движешься, не ползешь, а на веки вечные зависла в этом унылом переходнике, и будто бы слеплена из одних дурных наклонностей, из лени, жира, щетины, из несурзанности, и просто неспособна быть такой, как они. И тогда понимаешь, что это нескончаемый порочный круг, и выход один – тоже плюнуть на все и честно признать, что для тебя переход от бучи к Женщине невозможен в самом принципе. И просто стать собой.

Пардон, конечно, за все эти откровения и фантазии, но без них моя история будет непонятна. Вы не подумайте, что я зануда, просто я вам для того эти детали говорю, чтобы вы увидели, что у всякого поступка бывает своя причина.

Вот что такое недоженщина, если вдуматься? С того момента, как тебя слепили, ты самец или самка, если смотреть с точки зрения природы. В малолетстве мы прямо так друг дружку и дразнили: «Эй, самец, покажи свой огурец!» Хотя, у нас это даже и оскорблением не считалось, тут ведь намек только на биологию, а Женщина... ну, это же не тело, это – душа, не так ли? Меня тоже, конечно, дразнили самцом-огурцом, ибо я, как видите, буча еще та. Если можно так сказать, ярко выраженная буча. Буча – это всего лишь грубое прозвище маскулины, и все это, на первый взгляд кажется шуткой, но что, если со временем прозвище становится твоей

пожизненной кармой? Моя самцовая биология устроена абсолютно нелогично. Она напрочь отказывается понимать, как ей перерасти в духовность, вот такая ерунда, сестрицы.

Но я снова отвлеклась.

Ага. И вот тут, значит, со мной приключилась одна штука, именно приключилась, потому что это было что-то вроде припадка. Я вдруг ни с того, ни с сего радостно взвыла на всю комнату и тут же одним махом запрыгнула на стол, уж не знаю, как он только меня выдержал. Прежде я никогда ничего такого не выделяла, да еще в одиночку, так что я даже сама себя испугалась. Это было что-то совершенно животное, дикое. И как же, в самом деле, странно было видеть собственную комнатушку с нового ракурса. А главное, с одной стороны, вроде, и на смех пробивает, потому что все нелепо, но тут же и слезы текут. Скрежещу зубами, ухаю, словно у меня кишечные колики. Прямо затошнило от волнения, я даже закашлялась. Сердце колотится, чувствую. А знаете, что я еще почувствовала? Я почувствовала, что вот тут-то может начаться мое другое будущее. Если, конечно, я его выберу.

«Свет!» – говорю я спокойно, и стало светло. Все как всегда – стены, зеркало в санузле, и в этом зеркале – я. Вроде, обычная скучная картинка, но смотрю сквозь высыхающие слезы и чувствую: сегодня приключится что-то важное. Если захочу, конечно. И от этого даже во рту как-то солоно, будто губу прокусила.

А была уже глубокая-преглубокая ночь – где-то половина девятого, и вся Каллиона уже дрыхла сладким сном. Вы спросите: какие могут приключения в половину девятого? Это потому что вы мыслите стереотипно. Вы думаете, если ночью авиетки не летают, то нет у нас другого средства к передвижению. Но к чему тогда эти штуки, которыми мы ходим? Ахах, честное слово, смешно.

Это уже потом я решила, что в тот миг у меня был вроде как момент взросления (мне потом насчет таких моментов хорошо объяснил господин Мэдж). Может быть, я даже не случайно в тот вечер на стол взгромоздилась. Могло бы и похуже что-нибудь приключиться, если бы не alcohol. Он-то, возможно, меня и выручил. Я-то, конечно, потом себя сто раз из-за него проклинала, но все-таки именно он был для меня таким пинком, который помог выбраться из депресняка.

В последние декады меня стало как-то особенно от исповедальни воротить, а от тех дур, – я имею в виду агентесс из рейтингового, – и подавно: боялась даже в их сторону смотреть. То же самое насчет всех этих вещуний, проповедниц-святомимишниц – даже стерла из памяти головида каналы, по которым их показывали, так от всего позитивного воротило. О своем плане и фуке старалась даже не вспоминать. Это потом я расхрабрилась, и теперь меня иногда даже несет, а тогда я все внутри себя переваривала, ведь моего рейтинга не хватало даже на самую захудалую психотерапессу. Только эротинг спасал – на денек-другой приподнимал рейтинг чуть выше нуля, и то не больше, чем на четверть лайка.

Но тут, пожалуй, самое время поведать предысторию.

Во второй «з»-декаде прошлого года я, Иллка Брук, та самая, которая сейчас сидит перед вами и которую вы можете потрогать руками, если захотите, участвовала в грандиозном телепроекте. Конечно, может, модели с высоким рейтингом сказали бы, что не такой уж он и грандиозный был, этот телепроект, но мне на тот момент он казался фантастическим. Я каким-то чудом прошла кастинг, и сами сестры Крэкер – нет, вы только вообразите себе это! – выбрали меня на роль буч-модели для рекламного ролика Зуки. В те дни я, сестрицы, пола под ногами не чувствовала!

Полное ее название, в смысле, Зуки, – комната чистки зубов для нижней потребительницы. Это, конечно, не какое-то там экстра-мими, как видно из самого названия, – ну и что? Пускай у моей машинки и нет таких наворотов как у настоящей комнаты чистки зубов – ни сканера, ни преобразователя, ни клеточного репликатора, а половина ее – вообще бутафория и виртуальность, пускай корпус сделан из дешевого периплена – это не беда. С Зукой любая

потребительница – даже самая потерянная – может почувствовать себя почти-Женщиной! А уж как я себя чувствовала ею в то время. Я стала твердой нормалкой – мой реальный рейтинг взлетел до сорока лайков. Я чувствовала себя богиней. Даже спать не могла от счастья. Еще десяток лайков, и я – полупродвинутая!

Между прочим, Зука – аналог знаменитой Денизы, той самой, которую рекламировала великая Марго, только Дениза, ясное дело, понавороченнее, она – для настоящих продвинутых Женщин, и ею пользуется даже сиятельная госпожа Нана (вы ее наверняка видели в шоу «Мы – островитянки»).

Что делает Зука? Она отбеливает ваши зубы, нормализует рН-баланс, и ее действия хватает аж на пять часов. Выходит, достаточно пользоваться ею в семь, двенадцать, семнадцать и двадцать два часа, чтобы зубы были здоровыми. Не идеально, как при использовании Денизы, но близко к этому.

Если не слишком придирается, то Зука реально очень смахивает на свою старшую сестру, разве что поменьше да попроще. Но это и к лучшему: места она занимает всего ничего, и в разобранном виде запросто влезает в дорожную сумку, потому ее свободно можно брать с собой в путешествия, как сказано в инструкции. Хотя, это, скорее, приколы, потому что потребительница нижнего уровня – сами знаете – никогда не путешествует дальше места своей работы, а обязательный ежегодный отдых в санатории по месту жительства назвать путешествием как-то язык не поворачивается. Но помечтать-то можно.

Так вот, это были дни моей недолгой славы. Сначала все шло как по маслу: фемы-оператрицы были со мной добры, и гримерши тоже, а госпожа Таня Крэкер, которой меня однажды представили, – вообще няшепусечка. Вот только режиссерша была строга со мной и пару раз при всех сказала, что я какая-то не женственная, но это она не со зла, а потому что хотела, чтобы я больше старалась.

Как бы там ни было, я до сих пор по уши благодарна тем, кто придумал Зуку. Во время съемок настолько вжилась в образ, что по ночам мне даже несколько раз снился мой старый детский сон, где я лечу вдоль этажей на почетной платформе и на мне белое платье остров-кандидатки. До сих пор, когда вспоминаю этот сон, слезы наворачиваются, хотя много чего в моей жизни изменилось.

Увы, дела мои с сестрами Крэкер были недолгими. Контракт действовал до конца зимы, и его не продлили. Я все ждала и ждала, пока не стало ясно, что ждать, собственно, нечего, а те накопленные сорок лайков промотались, не успела и глазом моргнуть. Ололо, какое же это было разочарование!

Но вернемся в тот вечер, когда я напилась. Так вот, сижу, значит, на корточках на своем столе – этакая жирная птица – и думаю о том, что последние полгода – коту под хвост. За это время я снямкала тонну порошкового пюре со сливками и перестала влезать в свой мини-тренажер. Сижу, смотрю на свое отражение в зеркале санузла, а там – страшная толстуха: щетинистая, бледная... На пузе – ужасные складки, с таким пузом сидеть на корточках не очень-то удобно. Когда я взвешивалась в последний раз, с моим ростом метр девяносто весила семьдесят девять килограмм при норме шестьдесят восемь – катастрофа! И взгляд у меня явно нездоровый. Видела бы меня в ту минуту Дашери! Ух, как она умеет пропесочить, представляю, что сказала бы: «Ах, Иллка, Иллка, вижу, ты совсем уже в медузу превратилась».

Тут я стала думать о ней – о Дашери. Когда надо прогнать тоску, я всякий раз стараюсь вспомнить ее лицо. Рот у нее большой, мягкий и очень ловкий, – да-да, у Дашери просто гениальный рот. А нос ее – это такая милая лепешка для поцелуйчиков, видели бы вы этот носик! А какие у нее ямочки на щеках, – да они как будто нарочно созданы для того, чтобы умилять меня. Ну да, теперь-то всех лепят с ямочками – и бучек, и феминяшек, у меня и у самой они, как видите, присутствуют, но у Дашери ямочки особенные, честное слово. А какая у нее шея, у моей сладкой негрятяночки – длинная, упругая, как у дикой лошади, а грудь у нее гладкая,

крепкая, – так и тянет к ней прижаться. Ах, моя милая маслиново-смородиново-антрацитовая Дашери...

Но вряд ли в тот вечер можно было остановить поднимающийся поток йецерары одним только воспоминанием о Дашери. Скорее, было наоборот – я только еще больше возбудилась, такова моя, как говорится, натура, что поделать. Старшим сестрам в гимназиуме после того как я набрала равные балы сразу по трем специальностям, было нетрудно определить мой профиль и статус.

Ололо! Если отбросить лишнюю болтовню, то смысл нашей жизни в том, чтобы как можно скорее наскрести себе тысячу лайков и получить на руки новенькую фуку, где черным по зеленому будет написано, что ты не какая-то серая овца, а качественная стопроцентная няшка-мимишка. А для того чтобы рейтинг реально подлетел до уровня Ж, надо с утра до вечера выжимать из своего убогого крео невозможное.

Так вот, насчет крео. У меня с этой штуковиной серьезные проблемы, – я вам уже об этом говорила. Раньше кривая способностей еле дотягивала до среднего уровня, причем ни одна из способностей толком не была обнаружена. Только эти дурацкие «художница-музыкантка-поэтесса» по неведомой причине на подделения поднимались над остальными. Как надо мной не корпели – миллион раз тестировали – все одно и то же. Можно подумать, я и в самом деле уродилась художницей в большей мере, чем какой-нибудь флористкой. Меня, конечно, пытались научить рисовать натюрморты, придумывать саунды и рифмовать разную чушь, но как я ни старалась освоить технику и проявить креативность, у меня выходили мазня, какофония и графомань. Все, что мне предлагали, было «не мое». Любое дело меня вгоняло в сон. Я, если можно так выразиться, величайшая бездарность.

То ли дело Дашери, – у нее всегда все было на высоте. По профессии она – постановщица улыбок (у нас на них говорят «лыби»), настоящая виртуозка – таких в Матриуме можно по пальцам сосчитать. Или Фарри-Волосатка – эта хоть и зануда, но рекламщица из нее то, что надо. Обе они всегда были успешными, не то, что я – проклятая небом серая посредственность с бракованным крео. Даже толковое плане не могла себе состряпать.

Старшие сестры из гимназиума вечно сокрушались о том, как я, мол, такая непутевая, впишусь в новое общество, ведь не за горами золотой век и все такое. Ну и где он, этот ваш золотой век? Не будет его, покуда по свету ходят такие странные существа, как Иллка Брук. Раньше-то я тоже надеялась, что он вот-вот нагрянет, и верила, что все мы и в самом деле не сегодня – завтра переступим порог царства разума и, как говорится, высоких отношений. Но в тот день, когда в башке был хмельной туман, мне вдруг до одури захотелось высунуться по пояс из моего маленького окошка, а еще лучше забраться голой на подоконник с бесстыже торчащим рудиментом. Вот она, моя истинная натура. Помню тот момент – смотрю на окно и представляю, как же это будет выглядеть. Как будто в таком виде я сказала бы миру что-то умное. Это вряд ли, и не потому, что мне сказать нечего – дело в другом: я вдруг окончательно дала себе отчет, что я – растолстевшая невостребованная буч-клип-модель и прости-тутка. Кому такая нужна? А ведь мне только двадцать семь!

Демонстрация, имитация, эманация и всякая прочая ерунда – вот, что больше всего выматывает. Подумаешь – депресуха, – я, как только в социум попадала, тут же изо всех сил корчила из себя этакую успешную бучу, всю из себя вежливую и отзывчивую. Все это до ужаса утомительно. Вот что такое ад. Представьте себе, я вся целиком была одна большая напряженная улыбка – и снаружи, и внутри – вот-вот лопну. Теорию-то я знаю: лыби нацепила – путь позолотила, будем улыбаться – станет все сбываться... Лыби-то я цепляла и так, и сяк, и, может, у большинства все так и есть, но у меня от этого кривляния тихая истерика начинается, зуд в спине, потливость и главное – всякий раз все впустую.

Да-да, я обзываю маскулин (в том числе и себя) бучами – пардон, – за сленг в последнее время отменно чехвостят, но такая уж у меня слабость с гимназиума. Я пару лет на атлетику

ходила, а у нас там любили после душа языки почесать. Да и Фарри – подружка моя – она тоже сперва по-плохому выражалась, это ее позже переиначили – в универе. Но меня-то в универ не взяли, я все по сценам да по салонам, а у нас там свои манеры и свои разговоры.

Итак, сестрицы, сижу я на столе, мечтаю о Дашери, а во мне уже всякие смутные страсти бушуют, и вот тут-то я сделала первый шаг в пропасть. «Ну, – говорю себе, – пора!» – и – прыг со стола. И дальше – Зука, душ, обсыхание, одевание, – натянула свежие розовые кружевные трусики в виде двух больших бабочек (у нас в салоне такие шалунишками называют), затем – гольфы, просторные желтые шорты-клевш до колен, бежевую нейлоновую блузу с круглым воротником и лиловый берет с синими пайетками. Еще раз придирчиво глянула в зеркало. Да уж, – единственное, чем мне по-настоящему можно похвастаться, так это мои черные густые волосы, хотя подружки говорили, еще у меня глаза выразительные, а вообще, конечно, жесть – не сразу в этом чудище узнаешь ту миловидную бучку, которую показывали каких-то полгода назад по сотням каналов. Но только я отвернулась от зеркала, сразу перестала об этом думать.

И вот гляжу в окно, и чувствую, как меня все больше тянет в эту страшную ночную темноту. Нехорошая такая страсть, гадкая-прегадная, лютая, демоническая, так и лезет откуда-то снизу, из чакры-муладхары, и никак ее не остановишь. Видно, это и есть чистейшая йецерара. И главное – кончиком ума-то я понимала, что завтра мне будет невыносимо стыдно, но ничего с собой поделывать уже не могла: с каждой минутой моим разумом все больше овладевало затмение.

Раньше я думала: и отчего это в нас, таких современных и цивилизованных, до сих пор сидит вся эта жуткая дикарщина? Неужто генные инженерессы из Лаборатории Тела никак не придумают, как это из нас вытряхнуть? Позже смекнула: да все же просто, там ведь в основном одни феминяшки работают, а у теперишних феминяшки нет даже элементарных представлений о том, что такое природа бучи и до чего она коварна. Они ее, казалось бы, вечно изучают, всюду о ней трубят, клепают по ней всякие, там, диссертации, но прочувствовать изнутри им это не дано.

Знали бы они хотя бы, сколько неприятностей доставляет нам рудимент – этот проклятый подлый отросток! Он только и делает, что день и ночь напоминает о себе – ему вечно тесно, хочется выпрямиться, размяться, потянуться – и так всю жизнь. Сколько себя помню, столько и его, и вечно с ним морока. Почему он то маленький, то большой, и почему вечно хочется его трогать? В детстве, бывало, на уроке не выдержишь, сожмешь в ладошке через юбку, и так тебе легко становится, так сладко. А потом часами себя грызешь, каешься, как последняя дура. Да еще ночные кошмары – там все время какие-то огромные двустворчатые двери – хлоп! хлоп! хлоп! – перед самым носом, а дальше – темень. Эти кошмары – хуже исповедальни.

Вам странно, сестрицы. О да, если тебе с детства вдалбливают, что все мы ровня, пусть ты и знаешь, что это вовсе не так, а все равно какой-то частью ума веришь в эту мечту – волей-неволей, а веришь: дело-то все в привычке. Но нет, на самом деле вам только кажется, что вы в это верите. Это как обман зрения. В действительности мы всегда знаем больше, чем думаем, что знаем, – это я на себе убедилась.

Вот я вам прямо сейчас... вы капельку потерпите, еще одно крошечное отступление, и я снова продолжу рассказ. Вот я вам сейчас кое-что растолкую, ведь я одна из немногих, кому в башку упаковали хитроумную программку под названием психоанал, и это мне реально помогло. Я не хвастаюсь, так оно и есть. Готова спорить, вы о такой штуке даже не слышали, потому что это секрет: меня даже просили об этом особо не распространяться. Так вот: вы удивитесь, но на самом деле закон толерантности (это тот, что касается милосердинга), он вовсе не такой универсальный, как нас хотят убедить, то есть он не всегда срабатывает, а взрослая мистресса своим милосердингом ничем не отличается от шестилетней.

Не верите? Значит, вы просто меня не поняли. Все дело в том, что в действительности на бучей вы смотрите как на уродок, но вы об этом даже сами не подозреваете. Просто так

устроен наш ум, вы в этом, можно сказать, не виноваты. То есть вам кажется, что вы смотрите на бучей, как на милых сестреночек, да? Но ужас в том, что вы себе обманываете и сами же это прекрасно знаете.

Вот, например, когда вы говорите, что от рождения мы все одинаковы, как горошки на платье, и что это не проблема, что бучи так нескладно и некрасиво устроены, мол, чуток старания, капельку упорства – и будет им счастье, – вы говорите это, потому что вам повторяют это с детства, но тут есть подвох. Сама эта фраза программирует нас, бучей, на то, чтобы мы почувствовали себя неудачницами.

Мерси, конечно, нашему заботливому Институту Общества за то, что законы пока еще не позволяют бучей до рождения отсеивать, и потому нас и штампуется столько – едва ли не треть населения. А, может, это не из жалости к нам. Может, нами, уродками, нарочно общество-ня разбавляют, для контраста, чтобы вы на нашем фоне еще увереннее себя чувствовали. А?

Да ладно-ладно, это же очевидно, что мы, бучи, и есть уродки, это не скроешь. Тела наши – тумбы нелепые, а рудименты – это же коровье вымя: если нас раздеть догола, поставить на четвереньки и посмотреть со всех сторон, мы – самые что ни на есть коровы. Признайтесь, вы ведь тоже где-нибудь в глубине считаете, что именно из-за нас общество так медленно ползет к своему светлому будущему. Я и сама так раньше считала – до того как кое с кем познакомилась.

Нет, сестры, я не в претензии. Слава мими, до меня еще в гимназиуме дошло, какое это благо, что нам, бучам, вообще до сих пор позволено рождаться. Огромное мерси сестрам Шлиман за нашу бесценную демаристократию, я не шучу. Ведь как бы там ни было, но дорога перед маскулинами все-таки открыта, хоть она и узка, как ниточка. У нас есть всякие, там, права, – можно учиться, тренировать крео, строить свои планы и все такое. Надо бороться с ленью и прочей ерундой – все в наших руках. Поэтому я тоже часто мечтаю, в душе я желаю славы, хочу, чтобы мной восхищались – пусть я по-прежнему всего лишь бучка-неудачница, мелкая букашка. Фантазии о моей будущей славе – это то, что дает мне силы жить.

Многие помнят великую госпожу Улузу Бинчер – ту самую, что девятнадцать лет назад якобы уплыла на Остров – так, по крайней мере, все в то время считали. Так вот, наряду с великой Марго и сиятельной госпожой Наной она была моим идеалом. Женщина с рудиментом! – вот, сестрицы, от кого я реально балдела. В детстве у меня над кроватью даже висела ее голография, на ней великая Улуза стояла на мостике над каким-то ручейком. Она была просто сногшибательна – поза, улыбочка, а сзади – цветущие сакуры. Честное слово, она была потрясная на этой голографии, я часами могла ее разглядывать.

Вот не думайте, будто я сейчас говорю это, чтобы как-нибудь обелиться и выгородить себя за грехи, – грехов-то – ой-ой-ой. Просто с некоторых пор я стала сомневаться не только в себе одной, да и великую Улузу не случайно упомянула. Есть в жизни нашего общества темные стороны – сколько угодно темных сторон.

Помню, в тот вечер я еще доканывала себя мыслями, что великая Улуза – само совершенство, а я – бородатая толстуха в нейлоновой блузе и ленивая овца с нулевым крео и минусовым рейтингом. Как не смешно, рудимент – это единственное, что было общего между мной и великой Улузой.

Я уже говорила вам, что дом, где я жила, стоит на самой окраине Каллионы, в пятнадцатом районе. По правде говоря, это так себе район, далеко не самый лучший. Прежде я думала, что там, за задним двором, у нас что-то вроде промышленной зоны. Я даже искала это место через конексус, но не нашла – решила, что если там и припрятаны камеры наблюдения, то не для общественного пользования. Но однажды, еще до этого дурацкого пьяного вечера, я уже бывала за домом, и сейчас впервые рассказываю о том маленьком приключении. Это было уже давненько. Представьте себе, я ходила туда своими ногами. Это случилось как раз

в тот день, когда закончился мой контракт с сестрами Крэкер, после того как до меня окончательно дошло, что его не продлят. В тот день я вышла из авиетки не на площадке этажа, как обычно, а просто у нижнего входа. Достаточно скомандовать: «Нулевой этаж» – и все, а раньше я удивлялась, из окна авиетки глядя, как это некоторые прямо по дорогам ходят. Безумие, конечно, но я не хотела возвращаться к себе, в свой маленький шамбрет в четыре квадратных метра на семьдесят третьем этаже, в которой нет ничего кроме кровати, столика, лет пять назад вышедшего из моды головида, мини-санузла, бесполезного мини-тренажера, маленькой прялки и моей главной ценности – Зуки. Я старалась не думать о будущем. Я просто шла, куда глаза глядели. Мне вдруг захотелось обойти дом, просто так, безо всякой причины. Вернее, сейчас я понимаю, что меня туда потянуло не любопытство, а желание хоть как-то отвлечься от дурацких мыслей. И я почапала на задний двор.

Я хотела выйти не территорию, которую считала промышленной. Сперва мне попалась небольшая техническая площадка, там дрыхли феминоиды с железными башками из тех, что чинят канализацию. Я вошла в переход, там сумрачно, сыро. И вот я на заднем дворе. Тут были какие-то склады, а на площадке отставалось штук пять или шесть феминоидов, настоящих громил, такие только на задних дворах и водятся, – парочка из них чуть слышно гудели. Помнится, я еще обратила внимание, что с тех пор как была малолеткой, феминоиды заметно апгрейдились и даже фигуры их стали женственнее, чем раньше, хотя что взять с железного-лового – их даже в эротинге не смогли использовать.

Словом, прошла я между ними, а им до меня и дела нет – даже и не подумали остановить, хотя прежде я считала, что захаживать в такие закоулки крайне и категорически запрещено (вы удивитесь, но я раньше ужасно верила во всякие предрассудки!).

Гляжу, впереди ограда высотой метра в три или больше, а сразу за ней прозрачная стена – та самая, на которой крепится сфера. Стена в этом месте поднимается вверх на сотни метров, а тут ее край.

И вот, подхожу я к ограде, забираюсь на спящего робота-красильщика и... Омайгат! Это надо видеть своими глазами! С одной стороны стена, с другой – целый океан дикой природы: равнина, кругом – трава высоченная, по шею, а дальше – лес. Я, конечно, и так всегда была в курсе, что там, за стеной, и даже в окно видела краешек леса, но с моего этажа ничего толком не разобрать – стена мутная. И вообще, одно дело представлять или смотреть издали, а другое, когда вот так, прямо перед тобой. Фантастика!

Потом я постаралась все это добросовестно забыть, и у меня даже почти получилось. И все бы хорошо, если бы не этот злополучный вечер четвертого дня седьмой «л» - декады.

Итак, мной правили alcohol и йецерара, это они забрали у меня последние крохи ума, и меня снова потянуло туда – к деревьям, к кустам, к траве... Я решительно шагнула к лифту.

Слышали, чтобы кто-то делал что-нибудь сверх того, что отмечено в плане? Ахах! – скажем, в хобби у вас записано «вязание крючком», а вы вместо того, чтобы вязать, собираете из бумаги парусники. Это было бы немного странно, правда? У меня в плане написано: с двадцати ноль-ноль и до сна – прясть на прялке, – а я... ну, даже не знаю, как это назвать, сестрицы. Позже, когда меня тестировали, мне напомнили одно старинное словечко, и оно лучше всего подходит, чтобы объяснить мое неадекватное поведение в тот вечер. Не стану его лишний раз повторять, тем более, многим это слово ничего не скажет, ведь у нас в жизни все так продумано, что смысл в нем давно отпал.

В общем, иду, дрожу от возбуждения, странное такое состояние – аж задыхаюсь. Началось у меня помрачение какое-то. Я проникла уже знакомым путем к стене и вскарабкалась на нее, – мне повезло, что в одном месте стояла прислоненная железная ферма. Пришлось лезть по краю стены сколько-то там метров до первого дерева. Я вспотела, изодрала шорты, волосы выбились из-под берета и все падали на лицо, липли к щекам, а я лезу, пыхчу... Когда

уже было близко к дереву, тут учуяла запах, – какой же он был острый, сестрицы, густой: что-то в нем было сладко-йецерарное, очень близкое тому моему желанию, которое меня, собственно, и влекло в темноту. И вот добралась до ветвей – в свете луны они походили на бугристые руки бучей – не таких как мы, а тех, прежних сильных и страшных самцов-мужланов, что никогда не собирались становиться Женщинами.

Я уже говорила, что поэтесса из меня никакая, а жаль, а то я бы вам постаралась передать то, что чувствовала. Уж больно охота изобразить вам все это в стихах, но чего не умею, того не умею.

Ну и вот, перелезла я, значит, по одной из ветвей к искривленному стволу и дважды при этом чуть не свалилась в траву. А кора была влажная и так пахла, что у меня снова началась эрекция.

А дальше я словно помешалась. Не помню, как оказалась внизу, – должно быть, все-таки грохнулась. Помню только, как я уже бегу к темной полосе леса. Ужас, восторг, опьянение – все слилось воедино. До чего же это было здорово, сестрицы, —невозможно передать.

Само собой, я краешком ума понимала, что за мной наблюдают – не агентессы, так феминки, камеры или еще что-нибудь, но в те минуты меня это как бы не беспокоило, здравые мысли куда-то отступили. Я была в эйфории.

А потом было вот что: я стояла под деревьями в мокрой траве и дрожала, а одежда валялась вокруг, даже не знаю, когда я ее стащила. Земля сырая, трава колет пятки, под ногами что-то шевелится, шуршит – небось какие-то жуткие насекомые. И вот я стою, а прямо передо мной – сфера нашей Каллионы – такая огромная неподвижная капля, и в ней отражаются звезды. Я никогда и не подозревала что, если смотреть снаружи, то в сфере отражаются звезды. И до этих звезд – целая вечность. И в какой-то миг мне подумалось, что мир, в котором мы живем, не так уж и велик по сравнению с природой.

Может, я от рождения немного чокнутая. Нормальные мистрессы, особенно недоженщины, не станут делать того, чего нету в их плане. Да они просто не додумаются до этого. Никто никогда не перелезает через стены, потому что это чушь. Они лучше тихонько попрядут на пряхке и спокойно лягут спать. Но мне там, в диком лесу, было легко и почти не страшно.

...Домой я вернулась с обломанными ногтями и исцарапанными коленями, но зато удовлетворена я была, сестрицы, сполна.

Как-то раз мне довелось повидать сиятельную госпожу Нану собственными глазами: это было буквально за несколько декад до того, как она отказалась уплыть на Остров вместе с другими счастливицами и стала главной начальницей Высшего Соборания.

Моя авиетка ждала разрешения на поворот, а почетная платформа парила совсем низко – всего двумя-тремя уровнями выше. Я высунулась из окна и тотчас узнала ее. Нана стояла на самом краю в обнимку с какой-то черноволоской-маскулиной – такой юной, женственной и экстра-мими, что сперва я приняла ее за фему. Нане тогда было семьдесят два, это я точно знала, а сколько было той ее компаньонке, и кто она, мне до сих пор неизвестно, но обе они выглядели, как я лет в тринадцать.

И тут мне жутко захотелось, чтобы Нана взглянула на меня – просто для того, чтобы мы с ней встретились взглядами. Если бы это случилось, я была бы счастлива до безумия, ведь тогда бы я знала, что меня, маленькую, глупую Иллку Брук, видела одна из самых продвинутых Женщин на свете – Женщина, о которой говорили, что она без пяти минут Матриа.

Попробую вам это растолковать. Понимаете, если бы Нана хоть на миг остановила на мне взгляд, я бы вроде как проникла к ней в мозг. Мы ведь с вами, если разобраться, те же компьютеры. То есть даже когда что-нибудь и забываем, память все равно хранит в себе это воспоминание в запакованном виде. Вот и я хотела таким же способом навсегда остаться внутри

сиятельной госпожи Наны. Конечно, это просто моя глупая фантазия и сантименты, но для меня это многое значило бы, поверьте, и как только я увидела Нану, в ту же секунду поняла, как мне это нужно.

Но она не посмотрела на меня. Стояла себе неподвижно, чуть задрвав подбородок, и ветер трепал длинные золотистые волосы. Обе они были очень серьезные, и вместе с тем в позах чувствовалось какое-то ликование, что ли. Я подумала, куда это они смотрят, и оглянулась, но там, за верхушками одинаковых стоэтажек ничего не было – одна лазурная пустота сферы.

Ололо, до чего же трудно быть недоженщиной. Когда мучительно барахтаешься на нуле, кажется нереальным достигнуть не то что совершенства, но даже его отдаленного подобия. А ведь для некоторых это только вежа. Я говорю о таких мегазвездах, как сиятельная госпожа Нана или великая Улуза Бинчер.

Хотя, у нас в бакалавриате злые языки поговаривали, что на самом деле за триста лет никто так и не достиг истинного, священно-академического уровня Матриа, даже все эти Настоящие Женщины. Помню, Дашери как-то предположила, что истинный уровень Матриа вообще выдумка, а Святая Матриа – всего-навсего красивая картинка – мнимый образ, который в коллективной медитации представила себе группа специально подготовленных художниц. Это было еще в том возрасте, когда мы обо всем должны были докладывать воспиталкам, только я нарушила Кодекс – промолчала, а потом агентессы из рейтингового, видно, не задали нужного вопроса, когда я в исповедальне держалась за датчики сосуна.

Как раз об этом я вспомнила, вернувшись домой. Мне снова нужен был душ, но теперь я не могла им воспользоваться аж до утра, – сами понимаете, для недоженщин моего рейтинга все в этой жизни лимитировано. А тут еще Задница стала доставать, – это так у нас в пятнадцатом районе называют адапт-систему Заботливый Дом – сокращенно ЗД, – во всех квартирах она одна и та же, то и дело сбоят, Дашери говорила: неполадки искусственные, чтобы жители ощущали свой низкий рейтинг и стремились его повысить. Может, так оно и есть. И это значит, что, возможно, и мне тоже не мешало бы чуток сжульничать, чтобы клиенток своих подзадорить. Ахах, как смешно. Наверняка они бы просто отказались от моих услуг и нашли специалистку получше.

– Сестра Брук, – попыталась прицепиться ко мне Задница, – ваше самочувствие вызывает беспокойство.

– Да все оки, – говорю, – не парься.

Известный прием: врешь, а сама, типа, веришь, что выдаешь чистейшую правду. Вырабатывается, как говорили у нас в бакалавриате, «в противостоянии несовершенного индивида и высокотехнологичной исповедальни».

А она мне:

– Уровень вашего давления на три процента превышает норму.

Фу, терпеть не могу, когда эта электронная дура изображает из себя заботливую сестрицу, – тем более, когда не охота ни с кем говорить. Иногда со мной такое бывает – просто надо помолчать. Обычно это тянется несколько часов, а то и целый день, и ничего с собой не поделаешь – интроверсия, самцовое начало и все такое. Потом мне рассказали, что это все из-за моего архоза. Суть в том, что пропадает желание кривляться, а от разговоров ни о чем тошнит. Не то, чтобы я замыкалась в себе, как какая-нибудь злобная бука, но ужасно неохота растрачивать себя попусту. Я, конечно, не считаю себя какой-то ценностью, но иногда со мной такое бывает. В детстве такое со мной случалось регулярно. Бывало, сижу среди подруг и молчу, как какая-нибудь рыба-капля. Им охота знать, что за муха меня укусила, а мне нечего ответить – молчу и все, только губы скривлю в ответ – вроде как ухмыльнусь – и ни гу-гу. На эту мою усмешку, кстати, даже Дашери западала. Ей нравилось, когда я так улыбаюсь, она меня даже подзадоривала: ну-ка, еще разок. Честное слово. И все допытывалась, как бы и ей это дело смоделировать, больно уж ей тоже хотелось научиться по-самцовому ухмыляться. Наверное,

я себе лыщу, но мне кажется, та моя необычная манера и подтолкнула Дашери к улыботворчеству. Правда, она все равно не освоила мое фирменное лыби, хотя там, в принципе, все элементарно.

Потом от всех этих гримас меня отучила наша воспиталка-этичка. Ее звали сестра Оттаха. Все считали ее чрезвычайно мудрой и потому боялись, хотя она никому не делала ничего дурного, а только хотела «поставить нам голову», чтобы мы умели нею думать. Это была кругленькая розовощекая кудряшка, всегда у нее улыбочка, а колючие глазки-пуговки вечно за тобой наблюдают. Нельзя сказать, что я ее жутко боялась, просто старалась лишней раз не пересекаться, – после ее моралей всегда становилось тошно на душе, честное слово. Так вот, эта самая сестра Оттаха как-то раз позвала меня к себе в кабинет и завела песню про то, что в последнее время со мной происходят не очень хорошие штуки, что, мол, она переживает, не заигралась ли я в одну игру. Я спросила, в какую еще игру, и тогда она мне говорит, что в каждой из нас два типа йецерары, один мы осознаем и боремся с ним, другой только чувствуем, но полностью познать не в состоянии, потому что он слишком глубоко. Этот второй тип йецерары особенно опасен, и весьма вероятно, что мое детское воображение заиклено именно на нем. А потом сестра Оттаха погладила меня и сказала, что когда я начинаю задумываться о чем-то скверном, то и лицо у меня делается несимпатичным и даже немного страшным. И особенно ее пугает моя ухмылка. Она все это говорила медленно, тихо, а сама все смотрит, смотрит... А потом она спросила, знаю ли я, кто так улыбался. Я сказала, что нет. Тогда она говорит – так улыбались грязные средневековые самцы, когда совращали прекрасных девушек, а ведь она – сестра Оттаха – меня так любит и хочет, чтобы я всегда была миленькой и привлекательной. Я сказала ей, нет-нет, госпожа Оттаха, ни о чем таком я не задумываюсь, все как всегда, честное слово, но она покачала головой и сказала, что мне надо быть осторожной, потому что я склонна обманывать. Она сказала, что даже те бучки, которые чересчур рьяно экспериментируют с телом и его отдельными частями, а таких у нас в гиназиуме сколько угодно, даже они не в таком опасном положении, как я. Она сказала, что если я не остановлюсь, все это плохо кончится для меня.

На ту пору мне было лет двенадцать, так что я перепугалась не на шутку. Мне не хотелось быть несимпатичной и страшной, и я спросила, что же мне делать. Сестра Оттаха посоветовала, чтобы я просто следила за своим лицом. Она сказала, что все взаимосвязано: если мы будем славными и мимишными снаружи, мысли не захотят цепляться за разную грязь, а устремятся к светлым целям.

Я стала бороться с моей привычкой, хоть толком и не понимала, что надо делать. Про себя я назвала свою странную гримасу противной рожей и, как только поймаю себя на том, что ненароком ее соорудила, тут же исправлялась – отвернусь и ущипну себя изо всей дури или до крови закушу губу, чтобы впредь неповадно было.

Позже, года через два или три, мне встретилась в учебнике по эффектингу одна любопытная табличка. Называлась «Сравнительное описание улыбок средневекового самца и современной мистрессы». Оказывается, все самцы в основном были хмурыми молчунами, и улыбаться для них было не так естественно как для фемин. Вот почему нынешним бучам приходится столько потеть над своей мимикой.

Не знаю, удалось ли мне исправиться, но видимо, все же я не смогла до конца очиститься от всей этой дряни, и она как-то связана с моим архозом, о котором я уже упоминала.

В тот вечер мне тоже хотелось помолчать, но электронная Задница все не унималась и выспрашивала, как я себя чувствую и все такое.

– Да заткнешься ты? – рявкнула я на нее, и, как ни странно, это подействовало.

И вот, наконец, тишина. Лежу, наслаждаюсь остатками хереса. Омайгат! Как же это все-таки мими, супер-мими и еще раз мими – плыть, таять, распадаться на элементарные частицы. Тем более что завтра у меня наконец начнется новая жизнь.

Я думала, хорошо все-таки, что я решила устроить себе этот маленький праздник. А этот флакон хереса – как будто завершающая точка в моем греховном прошлом.

Как-то я спросила у Дашери: «А отчего бы не убрать из реестра продуктов alcohol?» А она мне: «Alcohol – искушение. Если убрать все искушения, нас невозможно будет измерить, и рейтинговая система утратит смысл».

Наверное, она права, думала я. Без искушений невозможно познать всей глубины падения и высоты идеала. А может, это вовсе не я думала, может, все это миллион раз передумали до меня.

С этими мыслями я постепенно уснула, а когда пробудилась, то обнаружила сразу две неприятные проблемы: во-первых, я очень тяжело заболела, а во-вторых, в комнате я не одна.

Болезнь моя заключалась в следующем: башка раскалывалась, точно на нее в самом деле рухнула сфера, а во рту все иссохлось, будто я не пила дней сто. Сердце ужасно колотилось, вот-вот выскочит, а в животе было так гадко, словно накануне вместо старого хереса я приняла ту дрянь для увеличения губ, которую мне давали во время съемок. Глаза ни в какую не хотели открываться, так что мне их пришлось чуть ли не пальцами распечатывать, честное слово. И вот гляжу, а прямо надо мной висит пара чудищ в красных чепцах и блестящих темно-серых формах. Короче, вы поняли: мой маленький шамбрет навестили рейтинговые агентессы.

– Сестра Иллка Брук, правильно? – говорит одна из них – худая и остроносая.

– Пятнадцатое отделение эр-а, – говорит из-за плеча вторая – рыжая и скуластая, а голос у нее мягкий, неестественный, сразу видно – смодулированный.

– Будьте мими, собирайтесь, – говорит первая: – Фу, какой кошмар.

– Куда это? – говорю. – У меня выходной.

Язык едва слушался. Так гадко мне никогда не было.

– Сестра Брук, имха, ваши дела являются чрезвычайно далекими от позитива, чтобы полемизировать, – говорит мне первая и кивает на стол, а там – пустой флакон. – С учетом данного факта ваш рейтинг соответствует показателю «минус три лайка»: ревизуйте футуру. Мы обеспечим вам трансфер до исповедального детектора. Рекомендую быть максимально коммуникативной. Ради вашей же мотивационной шкалы.

До чего мерзко это слушать. Хотя было так плохо, что я и раздражаться толком не могла. Тем более, что в ту минуту нервничать надо было по другому поводу: просто так ведь до исповедальни не трансферят. Дверь я не открывала, а раз они тут, стало быть, сами как-то вперлись. А это значит, у них и особый допуск имеется – тот, что выдают для всяких внеплановых проверок и выселений. И еще – есть ли на свете что-нибудь ужаснее этого «минус три»?

В другое время я бы ох, как перетрухнула, но в то утро мне было настолько скверно, что хуже быть все равно не могло. Вместо ответа я снова пробубнила какую-то невнятицу. В башке стучало и тархтело, а глаза и сами уже не могли понять, как им лучше – открытыми или закрытыми. Проклятый херес! Короче, повернулась я к тем фемам спиной, скрутилась калачиком, мол, нет меня. Тут вдруг дошло, что спала я, не раздеваясь, и почему-то это меня больше всего расстроило. В комнате стоял такой отвратительный тухлый запах, что можно было задохнуться. Я облизала губы и говорю:

– Оставьте меня, я очень больна.

– Вот как? – говорит одна из них. – А почему же в таком случае молчит адапт-система?

– Я, конечно, специалисткой не являюсь, – говорит другая, кажется, рыжая, – но позволю себе формульнуть версию, сестра Грюн.

– Будьте мими, формульните.

– Имха, сестра Брук превысила потенциальный лимит употребления напитка типа alcohol, что и послужило причиной ухудшения ее здоровья.

Сказать по правде, мне даже противно повторять то, что мололи эти дуры.

– Ваша версия целиком и полностью логична, – согласилась остроноса. – Как бы там ни было, сестра Брук, немедленно собирайтесь. Пять минут вам на сборы.

Мне было себя до ужаса жалко. Хотелось плакать.

– Откуда мне знать, отчего она молчит, эта ваша дурацкая задница? – говорю. – Вы сами и должны за это отвечать, вы же агентессы.

Я, конечно, тут же просекла, что ляпнула лишнее. Мне стало страшно, и я тогда по-настоящему разревелась. Бедная моя головушка, еще чуть-чуть – и она треснет. Хоть бы сознание потерять. Но с другой стороны моя болезнь была и моим козырем. Это единственное, что могло спасти от неприятных фем.

– Вы придираетесь, потому что я буча, – говорю.

– В чем вы нас упрекаете? – сурово спросила рыжая. – Закон одинаков и для фемин, и для маскулин, и агентство ни для кого не делает исключений. Имха, все решает ваш рейтинг и курс луны. А поскольку вчера по лунному календарю был удачный день, то, следовательно, вина за происшедшее лежит сугубо на вас.

– И будьте мими, в конце концов. Следите за вербализуемой информацией, – посоветовала остроноса. – Сленг категорически воспрещен. Еще один подобный эррор – и ваш рейтинг понизится до минус трех с половиной.

Меня взяли за локоть, попытались развернуть, но я не далась. Тогда они стали меня трясти.

– Хватит! – взмолилась я. – Оки-оки, уже встаю, только не раскачивайте, а то меня сейчас стошнит.

Шатаясь, я поднялась, и чудища сразу сделались мелкими, потому что они и в самом деле доходили мне едва ли не до пояса. Кое-как разминувшись с ними, я втиснулась в санузел.

Слышу, обсуждают:

– Ого, серия alcohol. Херес. Две тысячи триста восемнадцатый. Спирт – девятнадцать процентов. Как, по-вашему, сестра Грюн, это много?

– Более, чем много, – убежденно сказала сестра Грюн. – Имха, в данном случае имела место попытка суицида.

Я решила писать стоя. Назло им. По звуку наверняка поймут. И пускай. Рейтинг за такое не снизят, зато хоть как-то смогу им досадить.

– Омайгат... – послышалось сзади. – Она повредила датчик адапт-системы!

Вторая не ответила. Похоже, обе были в шоке.

Проклятье! Неужели все это наяву? Помню, тогда я еще думала, что можно как-то договориться. Но на самом деле все было куда серьезнее, чем я себе представляла. Что-то со вчерашнего дня во мне пошло не так.

Я разделась, несколько раз больно стукнувшись локтями о стены, бросила одежду на пол, включила душ. Когда вода тонкими скупыми струйками побежала по горячему телу, я вспомнила вчерашний вечер в лесу, и – о, ужас! – рудимент шевельнулся. Пришлось переключить душ на холодную воду, так что помылась я очень быстро.

Выйдя, я прикрылась полотенцем и говорю:

– Госпожи агентессы, можете чуток в сторону? Мне надо воспользоваться моей зубной комнатой и немедленно, а то я и так пропустила процедуру.

– Сожалею, но это никак невозможно, – говорит остроноса. – В восемь сорок пять мы должны находиться в помещении исповедального детектора.

– Что??

Ее слова меня прямо ошарашили. Не приму процедуру – проклятые бактерии будут размножаться у меня во рту до тех пор, пока не уничтожат всю эмаль. Без эмали зубы сделаются хрупкими, ломкими и наверняка очень быстро раскрошатся. Я не смогу хрустеть чип-

сами и сиять улыбкой, стану выглядеть еще старше, а через год или два превращусь в дряхлую старуху.

Видно, я здорово побледнела. Сестра Грюн переглянулась с напарницей и говорит:

– Хорошо. Только живо.

Я даже о головной боли забыла – так и рухнула на колени перед Зукой, едва успев обвиться полотенцем.

И вот уже сижу со стерильными зубами на заднем сиденье авиетки. На мне желтый костюм в фиолетовый горошек – юбка и блуза. Надо было прихватить мою кружевную кофту – в авиетке зябко, но я всегда задним умом думаю. Башка трещит, после душа не особо полегчало, даже Зука не помогла. Словом, башка практически не работает, а то я хотя бы самовнушением занялась, типа, все проходит, и это пройдет.

Сижу, тупо растираю виски, уставившись в пол, лишь бы не видеть собственную рожу в зеркале. За ночь щетина отросла еще больше – бррр! Вот, что такое карма: вчера проштрафилась – сегодня расплачивайся. Ясно же как день, с какой радости приперлись эти дуры. Их дело – доставить меня в исповедальню, чтобы оформить все, как полагается, и – прощай моя клетушка. С моим теперешним рейтингом занимать отдельную площадь не положено. Здравствуй, новая жизнь в соцбараке!

Если бы мне не было так плохо, я бы точно завыла. Что будет с Зукой? Позволят ли мне забрать шмотье?

Кстати, до сих пор у меня не было знакомых, которые жили бы в этих дурацких соцбараках. Сколько у них там квадратных сантиметров на персону? Найдется ли местечко для моей малышки? И что я вообще скажу, когда войду туда, к ним? Приветики вам, уважаемые минусовки! Покажите, пожалуйста, где я тут могу пристроиться.

Надо при первой же возможности связаться с Дашери. Какая же я глупая-глупая-глупая... А еще собиралась начать новую жизнь. О чем я вообще думала? Расслабилась, называется. Хелена советовала заказать овсяные хрустики с каким-то там сиропом, а мне разные, там, мими да хай-фаи подавай.

И вот, значит, сижу себе на заднем сиденье. Летим. Внутри – пустота, холод. Зубы стискиваю, чтобы не разрыдаться. И даже понятия не имею, знает ли кто-нибудь о моем вчерашнем приключении, но если и не знает, то, скорей всего, это в два счета выяснится на исповеди: сама же и разболтаю.

Когда мы уже подлетали к четвертой городской исповедальне, у сестры Грюн пипикнул гадж.

– Хм, – говорит она напарнице. – Коллега, видимо, нам с вами придется откорректировать маршрут.

– То есть как так, сестра Грюн? – спрашивает та.

– В данный момент мы обязаны лететь в Институт Общества. Куратрица намерена подвергнуть сестру Брук ревизии.

– А как же исповедь? – спрашивает рыжая.

– Куратрица намерена подвергнуть сестру Брук ревизии, – твердит свое сестра Грюн, но видно, что она и сама озадачена. – Мы обязаны неотлагательно ее транспортировать. Законектитесь, пожалуйста, с регистратором и аннулируйте очередь сестры Брук в исповедальном детекторе.

Рыжая стала отменять мою очередь. Вид у нее был ужасно недовольный, как будто у нее отобрали что-то очень дорогое, а сестра Грюн развернула авиетку, и мы помчались в центр.

Гляжу в окно в отупении. И понимаю: летим в самый центр Каллионы, где я никогда раньше не была. Полотно стен мало-помалу меняется – от привычного разноцветного к сверка-

юще-белому, – такое чувство, будто тебя погружают в холодную платиновую бездну. Страшно, аж жуть!

Фу, как же мне тогда было страшно, сестрицы. Сказать по правде, меня даже трясло. Вы только представьте себе: Институт Общества – то самое место, где штампуются все законы, и, стало быть, он даже главнее, чем Рейтинговая Академия.

Правда, по прилету меня ждал маленький бонус, если можно так назвать то ядовитое чувство, которое я испытала, когда дуры в чепцах съежились при виде красотки, что встретила нас на террасе. Так им и надо. Это значит, исповедашня пока отменяется, и на том спасибо.

– Очень мило с вашей стороны, что посетили нас, дорогая сестра Брук, – говорит красотка.

И вот, значит, приводит меня эта киска в одно шикарное местечко, усаживает в удобное кресло, сама садится напротив и говорит с сияющей улыбкой:

– Я пригласила вас потому, что с вами желает пообщаться ваша районная куратрица и моя начальница – светлейшая госпожа Анна Букерош. Я – ее секретесса и прежде должна задать вам несколько вопросов. Не волнуйтесь, всего лишь простая формальность. Надо удостовериться в стабильности вашего базового самовосприятия, только и всего.

– Да я и не волнуюсь, – говорю. – Удостоверяйтесь, если надо.

А голос-то дрожит. Еще бы, она же – секретесса куратрицы, а куратрица, если кто не в курсе, это полноценная Женщина из особо продвинутых. В каждом район Каллионы имеется своя куратрица, и, само собой, до этого момента ни с одной из них мне пересекаться не доводилось.

Секретессе на вид было лет пятнадцать, не больше. Представьте себе эфирную феминяшку, – будто только что с небес сошла. Все нужные признаки налицо: огромные бриллиантовые сережки, прическа от Гуаны Ди, узкое бежевое платье от Барбы Эксли, зеркальные туфли специально для фирсового пола, стильный наноманикюр «свет за двойным перламутром» и наноресницы с подсветкой. И при всем при этом – сама простота и невинность. Она была в тыщу раз продвинутее Тани Крэкер, у которой я снималась.

Смотрю я на эту киску и думаю: это какой же мегапродвинутой должна быть сама куратрица, если даже ее секретесса на порядок выше всех тех полупродвинутых господ, что мне доводилось видеть вживую.

– Ваш гендер? – спросила секретесса.

– Буча, – говорю. – В смысле, маскулина. А что, разве по мне не видно?

– Так для порядка надо, – говорит она и продолжает допрос: – Ваш нынешний статус?

– Нижняя нормалка, – отвечаю и тут же спохватываюсь: – То есть, в настоящий момент я минусовка, но это временно.

А она мне этак ласково:

– Вы не волнуйтесь, все прекрасно. Идем дальше. Каков ваш семейный статус?

– Одинокая, – говорю. – Холостячка я.

Она коротко кивнула, спрашивает:

– Предпринимали попытки заключить брачный контракт?

– Конечно, – говорю. – Несколько лет назад предпринимала.

Секретесса посмотрела с любопытством.

– Причины отказа?

Такие вопросы всегда выбивали почву у меня из-под ног, а в это утро, когда все и так складывалось из рук вон плохо, мне было особенно нелегко с ними сладить. По правде говоря, не хотелось разжевывать все эти неприятные мелочи, отчего мне сделали от ворот поворот. Так что вымучила я из своего несчастного нутра омерзительную казенную фразу вроде тех,

которыми обычно выражались дуры-агентессы. Что, мол, у меня имелись определенные трудности с рейтингом и прохождением тестов и все такое. А сама чувствую: воздуху не хватает.

– Повторная попытка брака учтена в вашем плане? – спрашивает она.

– Нет, но я собиралась учесть, – говорю. – Честное слово. Только не... Ну, в общем, это ведь...

И тут понимаю – пауза нужна, а то кранты мне, задыхаюсь. Слова сказать не могу. Пытаюсь ответить, а никак. Да и не хотелось мне рассказывать о той неудачной попытке сойтись с фемой по имени Анжела, которая была старше меня лет на семнадцать. Это приключилось через полгода после облома с Дашери. Анжела была такая капризуля, что еще поискать. Вечно надутые губки, нахмуренные бровки. Голова у нее белокурая, вся в кудряшках, и в этой кукольной головке сидел дурацкий бзик, что ее супругой непременно должна быть «бучка на дистанции». В общем, я как раз подходила. Сначала я думала, это такая шутка, но оказалось, не шутка. Анжела назначила мне испытательный срок, и я должна была прилетать к ней в любое время дня не позднее, чем через десять минут после того, как она меня вызовет. Когда я прилетала, она уже стояла в ванной, а в мои обязанности входило щекотать ее струей из шланга, пока она не кончит. После этого я возвращалась домой. Вот, собственно, и все, такая у нас была любовь, хотя порой мне даже казалось, что я Анжеле все-таки капельку симпатична. Короче, побыла я бучкой на дистанции несколько декад, а потом порвала с этим – надоело.

Однако же мне надо было что-то объяснять этой киске.

– Понимаете, – говорю, – Дашери и Фарри – они такая милая парочка, будто созданы друг для друга, а я там была лишняя. Да и рейтинги у нас неподходящие. Так что я пока, как говорится, в активном поиске. Как только присмотрю кого-нибудь, так сразу и включу в плане. А можно мне попить?

– Конечно, – сказала секретесса и выдвинула холодильную панель, а там – сплошные элитные аквы в белых и золотистых бутылочках – все не ниже «Структуры» и «Идеала». Словом, лайков на двадцать было разного питья. Я, конечно, ахи при себе держу, стараюсь быть скромняшкой, выбираю «Треугольник» из серии «Структура». Откупориваю и выпиваю залпом. Сказать по правде, на вкус аква как аква – ничего сверхъестественного. Хотя от нее мне немного полегчало.

– Теперь у меня к вам еще такой вопрос, сестра Брук, – говорит секретесса. – Сколько лайков рейтинга для себя вы бы определили сами?

Я немного растерялась, но тут же разгадала хитрость этой куколки. Я решила, что честнее всего будет сказать ей, что минус-три – как раз и есть то, что заслуживаю. Честно признать свое нынешнее положение – первый шаг к развитию, как говорится. Короче, бормочу что-то в этом духе, и тут вся эта ситуация меня так пронимает, что на глаза слезы наворачиваются. Накопилось. И сама же знаю, что веки распухнут, но не могу остановиться и все. Ну и ладно, думаю. Плакать – так плакать, лишь бы простили.

Секретесса подала салфетку, встала и велела идти за ней. Я почапала за ней, вытираюсь на ходу, и тут в стене распаивается дверь и такая красотища на меня выплескивается, что у меня даже ноги подкосились. Я прямо ахнула от неожиданности. Тут же, конечно, и опомнилась, гляжу на себя – юбочка едва до колен достает, а фиолетовый горошек на желтом фоне – это вообще какой-то ужас! На что я похожа? – фантик, дешевка. Надо бы объяснить им, что я никак не думала, что окажусь в Институте, что меня везли в исповедальню и все такое. Ведь я же просто по-идиотски буду смотреться в апартаментах куратрицы.

И вот, размазываю по лицу сопли, придумываю на ходу всякие дурацкие оправдания, а тем временем мы уже идем по залу, и вокруг все такое продвинутое. Первое, что замечаю – здоровенный диорамный головид и две изогнутые стены. Под ногами самый настоящий фирс, повсюду виртуалы струятся, инсталляции всякие, в углу несколько лож плавают, а в огромном круглом окне – шикарнейший вид на небоскребы. Словом, сплошной мегахайфай.

Вижу, в одной из лож сидит блондинка-фемин в белом конексусе и с кем-то болтает, и больше никого в зале нет. И надо сказать, эта блондинка довольно скромненькая из себя. Я, помню, еще удивилась, что в зале, где должна пребывать куратрица, допускают таких неказистых фемин. Издали она выглядела так, будто ей до полноценной мими еще мотать да мотать. Даже секретессе она явно уступала. Правда, фигурку ее я сразу оценила – фигурка была очень даже ничего. Только, как следует приглядевшись, я заметила в позе блондинки что-то такое, отчего у меня вдруг снова ослабели коленки.

– Обращайтесь к куратрице «светлейшая госпожа», – шепнула мне секретесса. И тут случилось то, чего я не ожидала: она развернулась и ушла. И дальше мне пришлось чапать одной.

Я, конечно, растерялась. Что же теперь-то, думаю. Вот – я, Иллка Брук, презренная букашка, а вон – она, светлейшая госпожа куратрица. Сейчас мы с нею, выходит, тет-а-тет, и о чем же у нас разговор пойдет?

Сердечко мое бедное затрепетало, и я поймала себя не том, что чапаю к ней не прямо, а как-то странно – по дуге, словно пытаюсь обойти, да еще и как-то нелепо у меня выходит – одним боком вперед. Чувствую, она за этим моим представлением наблюдает, а поделаться с собой ничего не могу.

И вот, значит, останавливаюсь я подальше, делаю, как положено, реверанс, глазки долу опускаю, как в детстве учили. Ну вот и все, думаю, сейчас как найдет на меня столбняк или, еще чего доброго, стошнит только что выпитой драгоценной аквой прямо на этот замечательный, невероятно красивый фирсовый пол. Но к счастью, ни того, ни другого не случилось. Куратрица продолжала болтать, она, кажется, даже не смотрела в мою сторону. А я стою терпеливо, переминаюсь с ноги на ногу, мало-помалу обываю и даже осторожно по сторонам поглядываю.

В общем, набралась я смелости и стала из-под ресниц высматривать доказательства продвинутости куратрицы. Сперва ничего такого особенного я не заметила, никакой косметики и украшений. На ней только скромное золотисто-белое платье и мягкие голубые туфельки. Ну, разве что еще конексус от Джаммы Тор – двойной мими, цвет – белый шоколад, так я в точности такой же видела недавно у заведующей нашим салоном эротинга. И что примечательно, подбородок у куратрицы великоват и островат – нежности в нем не хватает, и вообще лицо какое-то суровое.

– Здравсьте, светлейшая госпожа, – говорю я ей, как только она закончила свои переговоры.

Куратрица глянула на меня через конексус.

– Садитесь, – говорит.

Тут оно и обнаружилось – доказательство того, что она действительно принадлежала к заоблачному рангу. Вы, надеюсь, в курсе, что такое зубная радужка на все тридцать два? Не знаю, как у вас, а у нас в Каллионе по престижности это приравнивается к ювенильным ушам. Если не ошибаюсь, минимальная стоимость – семьдесят с хвостиком лайков. Так вот, сестрицы, у нее эта штука была! Она произнесла всего пару слов, но я успела заметить фантастический блеск радужки. Вот, кто абсолютно не нуждался в зубной комнате. Ну, и еще, пожалуй, голосок был чуть смодулирован, но этим давно уже никого не удивишь.

Я поглядела по сторонам: плавающие ложа – какое же из них выбрать? И главное – как вообще в них садятся? Меня этому не учили. Они так натурально покачивались, точно и впрямь невесомы. Я почему-то вспомнила, как однажды не смогла пройти по виртуальному Тауэрскому мосту, который находится в помещении Каллионского музея, потому что боялась виртуальной высоты.

Тут рядом активировался низенький пуф из того же фирса, что и пол, и я торопливо на него присела.

– Вообще-то с вами хотела лично поговорить директриса – госпожа Хэй, но она сейчас занята, поэтому попросила меня. Так это правда, что вы пили вино?

– Каюсь, светлейшая госпожа, – отвечаю, краснея. – Пила.

Не знаю, что на меня нашло, но мне ужасно захотелось ей исповедаться. Захотелось рассказать все до мелочей, всю свою жизнь перед ней расстелить и выплакаться. Она такая влиятельная, у нее на зубах радужка, в ней чувствовалась такая сила, такая глубина, что хотелось пасть перед ней ниц и каяться во всех грехах.

– Простите и помилуйте, – заныла я. – Ради всего святого!

– Стоп, – сказала она. – Это еще что такое? А ну-ка возьмите себя в руки и объясните мне, что вас побудило.

– Не знаю, – говорю. – Дура была. Испорченная я. Но очень хочу исправиться.

– Вам не поможет самобичевание, вы это знаете?

– Поймите меня, я слабая одинокая маскулина, – говорю. – У меня сейчас очень трудный период. Просто обстоятельства так сложились, и некому помочь. Вы уж простите меня, светлейшая госпожа, оступилась я, но теперь уж это будет мне уроком.

– Итак, вы сожалеете.

– Еще как сожалею, – говорю, а сама тяну за край юбки, чтобы прикрыть им голые колени. И тут мне разумная идея в голову приходит. – Хотя, может быть, есть одно объяснение этому моему ужасному поступку. Если позволите, я попробую объяснить.

– Объясняйте.

– Мне надо было провести над собой один научный эксперимент, – говорю я. – Понимаете, светлейшая госпожа, я хотела лично убедиться, что это скверно, чтобы можно было потом другим рассказать. Вот теперь знаю, что мне больше никогда ни за что на свете не следует пить эту мерзость. Так что теперь всем вокруг стану говорить, чтобы неповадно было.

Куратрица поглядела на меня поверх конексуса. Глаза у нее зеленые и переливающиеся, как окна башни Харикло. Умные, но как бы с грустинкой.

– Надо же, – говорит она, внимательно меня изучает. – А чем вы обычно занимаетесь в свободное время, когда не проводите над собой научные эксперименты?

– Да всяким, – говорю, – на прятке частенько разминаюсь, иногда смотрю по головиду разные познавательные штуки. Мало ли хороших, полезных дел бывает, светлейшая госпожа.

Я изобразила кроткую улыбочку. Куратрица тоже усмехнулась в ответ – как-то очень экономно – одними уголками губ, но лицо все равно стало добрее.

– Вы вся дрожите, дитя, – сказала она. – Успокойтесь. Я не собираюсь делать вам ничего плохого. А о том, почему вы пили вино, спросила лишь потому, что мне это действительно интересно. Вино пить не запрещено. Тем не менее, вы сказали, что сожалеете и раскаиваетесь.

Я молчу. Понимаю ведь, что дело вовсе не в вине, а в том, что было после. И наверняка она сейчас об этом спросит. Вот прямо в эту секунду.

Я съежилась, тяну юбку – вот-вот треснет. Ужас, как досадно ощущать колючие щетины у себя под коленками. Поджать бы ноги, да пуф не дает. Горе мне! Пускай, думаю, куратрица называет меня дитем, хоть с виду она и помоложе меня, пускай бранит или даже отшлепает, только бы не придралась к моим щетинистым ногам.

Тут куратрица кивает на головид.

– Посмотрите сюда.

Я поворачиваюсь, и у меня челюсть – брык! Там, на огромном экране, вижу саму себя вместе с Зукой.

И как же это, сестрицы, поразительно. Юная бучка, глазки от радости как фонарики светятся, на щеках румянец. Ах, ты ж моя славная!

О чем это она там без звука щебечет? Обожаю себя в некоторые моменты моей непутевой жизни. Неужто это действительно та самая знаменитая Илка Брук? Эх, жаль, сестрицы, что в вашей местности «ай-ти-ви» не ловит – это наш главный каллионский канал.

Я так давно себя со стороны не видела, что и вовсе перестала верить в свою привлекательность. Одно время, правда, пыталась поднимать себе настроение тем, что пересматривала этот видос, но потом он стал на меня плохо действовать, и мне только еще хуже становилось. А сейчас, глядя на эту гладкую розовую моську, я даже невольно усмехнулась. Хотя тут же для порядка шмыгнула носом: иногда так делаю. Правда, это меня и саму бесит – дурацкая привычка.

– Да, светлейшая госпожа! – говорю радостно. – Это площадка. А тут, сбоку, Жоанна, режиссерша, только сейчас ее не видно.

– Вы были явно довольны своим успехом, – говорит она. – Почему же оказались в минусах? Конфликт с этими вашими телевизионщицами?

– Нет, что вы, я бы не посмела. Даже наоборот, я с огромной радостью – все, что говорили, честное слово. Четыре килограмма долой, одну морковку ела, а они ногой под зад, словно я дешевка какая. Вот, теперь в салоне приходится потеть, пиписьки с рудиментами теребонькать...

– Об этом как-нибудь потом, – сказала она. – А сейчас я хочу поговорить с вами о Дашери Крис.

Тут сердце у меня и екнуло. Ненавижу, когда меня спрашивают про Дашери. Вообще, вся эта история с браком – больная тема.

– Светлейшая госпожа куратрица, – говорю. – Я же ведь уже только что вашей симпатичной секретессе все как есть объяснила. Поймите, у меня тогда был сложный период, но я выполнила все указания, и над крео продолжаю работать, вот даже скоро защиту думаю поставить...

– Тем не менее, расскажите мне о сестре Крис, – говорит мне куратрица. – Вы ее хорошо знаете?

– Куда уж лучше? – говорю. – Мы подруги с детства.

– Значит, вам приходилось работать с нейрокодами, которые она создала?

Голос у нее спокойный, но мне все равно стало не по себе.

– Пардон, – говорю. – Не поняла вашего вопроса.

– На каком уровне вы владеете языком улыбок? – спрашивает она.

– Ни на каком, – говорю. – Я не пользуюсь ничем таким, мне это без надобности.

Она прищурилась.

– То есть, вы хотите сказать, что много лет дружите с самой одаренной в мире постановщицей улыбок, у которой огромная очередь клиенток, и даже хотя бы на базовом уровне не освоили ее техники?

– Нет, – говорю. – Просто не мое это. У меня и так целых две профессии – клип-модель и... Ну, вы сами знаете, светлейшая госпожа. А в чем, собственно, дело?

– Давайте еще раз посмотрим на экран, – сказала куратрица.

Я повернулась к головиду. А там – Дашери.

«Не поверите, но вам уже все известно, – говорила она кому-то, кого не было видно. – Проблема только в том, что куски информации разрознены. Иначе говоря, вы хорошо знаете слова, но не усвоили грамматики».

Я узнала салон «Пазифея». Дашери улыбнулась, и тут как раз весь экран заслонила затылок какой-то блондинки – и снова пропал.

«Две декады обучения, – сказала Дашери, – и вы – хозяйка любой ситуации».

Я сто раз видела, как Дашери обхаживает новых клиенток, и мне это никогда не нравилось. Пускай я и несерьезная, пускай тоже иногда фокусничаю и придуриваюсь, но чтобы

нарочно освоить какой-нибудь манипулиринг – нет уж, простите. Терпеть не могу, когда кто-то на кого-то давит, а тем более тайком. Видно, не в том веке я родилась. Конечно, считается, что улыботворчество – искусство из искусств, и все, кто его преподает, великие художницы и чуть ли не гении, стало быть, все они экстра-мими и мысли их – сама небесная чистота. Но при всей моей любви к Дашери я не могу уважать манипулиринг, потому что считаю все это нечестным. Ведь если ты кому-то что-то внушаешь, то она из-за тебя уже не может поступить по-своему. Это как если играть в шахматы и незаметно переставлять фигуры противницы. Какой в этом смысл? Получается ведь, будто ты сама с собой играешь.

Хотя, я все же усвоила несколько базовых лыби, но это вышло совершенно случайно. К тому же применять их отваживалась только к престарелым бучам на сеансах эротинга.

Надо сказать, что при виде Дашери сердце мое забилося чаще, но я не дала чувствам завладеть разумом. Тем более, мне было уже окончательно ясно: это не общевоспитательный разговор, куратрице от меня нужно что-то конкретное, и просто так она меня не отпустит.

Дашери на экране улыбнулась как-то особенно душещипательно, показав свои фирменные ямочки. Потом она улыбнулась уже другой улыбкой, потом еще одной, какой-то незнакомой, от которой я почувствовала прилив нерешительности. Она говорит:

«Кажется, вы немного растерялись, госпожа Джи? Только что вы ни в чем не сомневались, но вот уже вы скованы, вы как будто чего-то ждете, но ответов нет. Вижу, вы это почувствовали. И это не магия, госпожа Джи, это всего лишь результат движения моих губ. – Дашери потрогала уголок своего рта. – Невинная улыбка, только и всего».

Тут она улыбнулась самой обыкновенной улыбкой (это называется «передернуть лыби»), и я испытала облегчение.

Если вы, сестрицы, думаете, что это были те дешевые улыбки, что вам показывают в разных шоу, вы сильно ошибаетесь. Язык Дашери – он стократ продвинутее. При всем моем неприятии манипулиринга, это просто какой-то запредельный уровень. В Калионе говорят, что Дашери великая волшебница, ведь то, что она делает, иногда не поддается никакому объяснению. Она умеет управлять вашими желаниями, когда они еще только в проекте, и ваше настроение изменяется как бы само собой. Вы даже не чувствуете, из-за чего это с вами происходит.

Когда Дашери улыбается, она серьезна. То есть я хочу сказать, что на самом деле она очень ответственно относится к тому, что делает. Шутка ли – управлять кем-то живым с такой легкостью, словно это кукла. Я, конечно, категорически против таких штучек, но когда видишь Дашери в работе, иной раз прямо залюбуешься. Короче, она – профи, и этим все сказано.

«Запишитесь на курс, дорогая сестра Джи, – сказала Дашери. – И вы убедитесь, что это во много раз мощнее традиционного энэп-манипулиринга² и всех видов эффектинга. Глубокое проникновение...».

На этой фразе куратрица выключила головид. Она сняла конексус, и я узнала, что у нее впридачу к выступающему подбородку еще и немножко грубоватые скулы. И вот, что странно. Вообще-то я не очень люблю выступающие подбородки и уж тем более грубоватые скулы, но в куратрице сочетание этих двух изъянов оказалось даже удачным и, как ни странно, даже придавало особый шарм.

– Дашери Крис занималась постановкой вашей улыбки? – спросила она.

– Нет, – говорю.

– Но вы часто присутствовали на ее семинарах. Вы не могли не знать, что там происходит.

² NLP – нейролингвистическое программирование, термин для обозначения направления в агрессивной практической психологии, предложенный в 1973 году американскими психологами Р. Бендлером, Д. Гриндером и Ф. Пьюселиком

– Я никогда не досиживала до конца, – говорю. – К тому же в последний раз это было года два назад. А в этом году, светлейшая госпожа, мы вообще почти что не виделись – только в наши традиционные сабантуйчики.

– Что они собой представляли?

– Ничего особенного, – говорю. – Мы просто ели мороженое и сладкую вату.

По-моему, я покраснела.

– Ну да, может, я и переняла от Дашери пару безделиц, но это так, пустячки, – сказала я. – Самые обычные улыбки.

Я на всякий случай показала куратрице два самых расхожих лыби – «мы с вами понимаем друг друга» и «хотите узнать, о чем я сейчас думаю?» – и тут же смутилась: глаза-то у меня наверняка опухли от слез и сейчас для такого не годились.

Тут ложе, в котором сидела куратрица, двинулось с места и, подлетев ближе, нависло надо мной. Куратрица закинула ногу на ногу, и я увидела на подошве аббревиатуру «ЗФ». Туфли от Зильбы Фокс! Я почувствовала, что вся горю и, потупившись, стала невольно вспоминать кинозвезд, которые тоже носили обувь от «ЗФ».

– Слушайте внимательно, сестра Брук, – вывела меня из оцепенения куратрица. – С сегодняшнего дня вами займется служба безопасности. Они относятся к бюро маскулинного потенциала. Методически их работой буду руководить я. Вы будете временно изолированы, потому что являетесь важным свидетелем. Таково решение специальной комиссии, назначенной Тайным Советом. Сколько времени продлится изоляция – в большой мере зависит от вас. Постарайтесь вспомнить как можно больше подробностей ваших встреч с Дашери Крис.

Ее слова были холодными и шершавыми, и у меня возникло чувство, будто я проглотила горсть колотого льда.

– А что значит маскулинный потенциал? – спросила я не своим голосом.

– Все, что вам надо знать, вам объяснят. – Она внимательно меня осмотрела, и взгляд ее опять на секунду задержался на моих щетинистых лапах. – Ознакомьтесь с лицензией на ваше обследование, чтобы потом не возникало вопросов. Очень надеюсь на понимание и взаимовыгодное сотрудничество.

На головиде вспыхнул текст, я попыталась его читать, но буквы плясали, и я никак не могла уловить смысл.

– Я, конечно, извиняюсь, светлейшая госпожа, – пробормотала я. – А что вообще такое стряслось?

– Стряслось – подходящее слово, – сказала куратрица. – Это кажется невозможным, но ни одной навигационной системе на планете не удастся зарегистрировать биосивер вашей подруги Дашери. Она просто исчезла.

Я сидела в маленькой комнатухе перед головидом, листая страницы журналов и думала о всякой ерунде.

Помните, сестрицы, еще лет десять назад в сети ходил такой старый-престарый фильм «Проклятые»? Там герой-самец (походу, его звали Боб) цитировал какого-то древнего умника (могу поспорить, тоже самца), он сказал примерно так: если мы считаем себя свободными, то это значит, что душа существует.

Все это, извиняюсь, чушь собачья, нет в нас никакой души. Чакры-шмакры – это у нас, возможно, и есть, потому как наукой тыщу раз доказано, а вот души нет. Внутри нас – мозг, а в нем особая пустота, по которой летают мысли. Хотя поэтессы иногда и называют все это душой, потому что считают, что мы, мистresses, по чьему-то изначальному замыслу должны якобы осязать вечность. Я закончила бакалавриат по стихоплетству, так что кое-чего в этом деле соображаю.

Мы с первого класса проходим такую важную науку как метафизика, однако же кроме правильных понятий у нас в головах зачем-то накапливается куча разной дряни. Меня это удивляет.

Глупо, но я время от времени тоже задумывалась о душе так, как если бы она на самом деле существовала. Более того, я много чего делала, чтобы ее, воображаемую, улучшить и облагородить. Всякие там тренинги, дыхательные гимнастики, медитации, мантры, но все впустую. Я осталась все той же Иллкой Брук, которой была раньше. Видно, на бесплодной почве пыталась прорасти, вот и оставалась до поры, до времени непроросшимся семечком. И теперь мне предстояло сделать выбор. Впрочем, к чему лукавить, ведь и так ясно было, какой путь выберет малодушная Иллка Брук.

Я сидела за этими дурацкими журналами и думала о Дашери. Ах, Дашери, милая моя, сладенькая кисулечка, я и впрямь кое-что о тебе знаю – иногда мне кажется, знаю о тебе даже больше, чем Фарри. Помню о твоих детских причудах, как ты мечтала добраться до Острова на авиетке, а зачем тебе это? А затем, чтобы там быть для всех островитянок вместо гуру. Что за безумная мечта! И откуда в тебе столько всего? Ну, и где же ты теперь, моя радость?

В гимназиуме, когда нас было трое, я вечно за вами не попевала. Честно говоря, Фарри-Волосатка для тебя тоже не очень-то подходящая пара, но мне казалось, вы с ней все же намного лучше ладили. Завидовала я вам. Оки-оки, не буду вас судить: Фарри, как и крути, поспособнее, чем я, и башка у нее варит, и знает, как себя преподнести. Она интереснее, чем я. Зато я грешнее. Вы были настоящими подругами, а я – просто твоим хвостом. Но теперь Фарри не с тобой, – куратрица наверняка об этом сказала бы.

И все-таки куда можно исчезнуть из Матриума, из всех этих стеклянных яйцеклеток? На тот момент, сестрицы, мне еще ни разу не доводилось покидать пределы Каллионы, и мир я знала только из головида, а теперь и своими глазами увидела, что остальные города – такие же прозрачные колпачки с домиками, только поменьше. А все, что между колпачками, – непролазный дикий лес.

Тут на меня снова накатила жалость – то есть к самой себе, да такая жгучая, что хоть плачь. Ах, Дашери! Ну зачем ты мне, несчастной недоженщине, так много всего открыла? Зачем вы с Фарри брали меня с собой на те ваши сладкие сабантуйчики? Что я вообще имею оттого, что с вами повелась? Позорный статус разрушительницы брака и больше ничего.

Ужас и кошмар!

И тогда я решила, что расскажу куратрице все, что знаю.

Я – самая наивная дура на свете. Всей моей истории хватило на пять минут путаного рассказа, и это был самый бестолковый рассказ на свете. На самом деле мне нечего было рассказать, и я наплела им о всяких штуках, о которых сама толком понятия не имела – знала лишь названия. Например, рассказала о лобно-губных перформах, смайлболе, отсроченных улыбках и правополушарном смехе – вот умора-то! Еще я выдала им все, что знала о принципе складывания смайл-кода «по Дашери Крис». Я едва ли не на ходу выдумала все эти выражения. Мне казалось, что это звучит жутко эффектно. Потом-то они мне растолковали, что таким же манером, как это делает Дашери, коды складывают уже полсотни лет. Если бы я знала еще какие-нибудь подробности из работы Дашери, то наверняка с чистой совестью выложила бы все, но больше я толком ничего не знала, и самое досадное – мне даже пришлось их в этом убеждать.

Было кое-что, что меня успокаивало. Дашери, при всей моей любви к ней, всегда была немного плутовкой. Это легко понять даже по ее лукавому взгляду. Хотя, мало ли, какой у тебя взгляд. Смотреть, прищурившись, – это же не считается незаконным, верно? Но Дашери была в самом деле плутовкой, и не только потому, что смотрела с хитрецей. Она знала кучу всяких

вещей и умела обыграть меня в любую игру, а еще всегда вела себя так, что никогда не догадаться, что она затевает. Отчасти поэтому мне особо и нечего было о ней рассказывать.

В общем, после долгого разговора со мной куратрица осталась недовольна. А это значило, что о моем желании вернуться домой и начать новую жизнь пришлось забыть. Восемь дней меня держали в той комнатухе, которая, к слову говоря, была вдвое больше моей прежней. Кровать, стол, санузел с душем-безлимиткой, тренажер с наклейкой «Хочешь удовлетворения – делай упражнения». Еще там был релаксатор и даже миниактиватор, и всем этим разрешалось пользоваться. Кормили четыре раза в день, правда жвачка была так себе – все то же, что и раньше ела: разница в том, что теперь для того, чтобы заработать себе на жвачку, мне не надо было заниматься эротингом.

Я смотрела всякие унылые программы, слушала музыку, принимала разные процедуры, мылась по три раза на дню, словом, старалась по максимуму использовать плюсы гособеспечения. Даже отсутствие Зуки перенесла стойко, в те дни я все еще надеялась, что все-таки еще увижу ее, и это меня подбадривало. А потом я постепенно свыклась с тем, что Зуки больше не будет. Все это время для своего успокоения я через каждые полтора-два часа тщательно чистила зубы. Все-таки мы сильнее, чем думаем и способны пережить большие потери – вот какой урок я вынесла из всего этого.

Дважды в день меня водили на допросы: они проходили в круглом помещении наподобие исповедальни, и там не было ни единого окошка. Со мной занимались три суровые фемы из особой службы, которая отвечала за безопасность одной очень-очень серьезной конторы – бюро маскулинного потенциала. Они называли себя экспертессами. Кроме этих трех фем в исповедальню иногда заглядывали и другие, но обычно только на пару минут, чтобы перекинуться словцом с кем-нибудь из моих мучительниц и снова исчезнуть.

Случай с Дашери был небывалым. Никто никогда не пропадал так, что нельзя найти по биосиверу. Эти штуки совсем крошечные, и их нам в разные места запихивают, – кому в ногу, кому в задницу, а кому прямо в башку – и просто так их наружу не выковыряешь. А отключить, чтобы датчики перестали видеть, вообще нереально. Так что спрятаться от наблюдательной системы – из области фантастики. С другой стороны, на кой предмет это нужно – прятаться? Ахах! От кого? – хотелось бы мне знать. Вариант про Остров я, конечно, отбросила, хотя бы потому что никому из нас не дано знать, где его найти. Так что у меня самой к тем фемам скоро появилась куча вопросов, только они вовсе не собирались на них отвечать, а продолжали надо мной измываться. Определенно, они хотели выжать из меня больше, чем я могла им дать.

А я была не в курсе, а только предполагала, что, может быть, Дашери и в самом деле занималась чем-то скверным. Но те экспертессы были вовсе не дуры, и их мои ответы ни капли не устроили. Они посоветовались и решили подогреть мне память какими-то химикатами, так что через какое-то время мне стало казаться, что я и впрямь выпустила из виду важные детали. И тут фантазия моя разыгралась дальше некуда. Как-то раз я даже ляпнула, что Дашери изобрела такое чудодейственное лыби, с которым ей удалось прокатить систему наблюдения. После этого химикаты отменили.

Иногда на собеседования заглядывала куратрица. Кстати, ее имя Анна Букерош, но по этикету ее положено называть светлейшей госпожой. Оказалось, что она главная шишка в том бюро, а эти экспертессы были даже не ее подчиненными, а подчиненными ее подчиненных. Иногда госпожа Букерош оставалась посмотреть, как идет допрос. Она располагалась в летающем кресле, а я лежала в кресле детектора. Госпожа Букерош подлетала ко мне так близко, что я могла разглядывать ее сколько угодно. Она задавала всякие вопросы вроде того, о чем в детстве мечтала Дашери, каким ее виделось будущее. Мне было трудно ответить, я даже собственное будущее представляю так туманно, что говорить о нем нет смысла. Хотя,

в мироконцепте у меня и написано, что главная моя цель – добраться до уровня Ж, для меня это пустые слова, да и сам мироконцепт, как я вам уже говорила, просто для отмазки.

И все-таки госпожа Букерош, эта интересная, хоть и немного странная блондинка, она меня удивляла. Ни разу не повысила голос, даже когда я истерила и драла на себе волосы. А уж поиздеваться над собой я мастерица. Правда, в основном понарошку: тогда я еще не понимала всей серьезности положения. Госпожа Букерош не бранила меня, она вообще на редкость терпелива. Только одно меня слегка пугало – ее привычка разглядывать мои ноги, это уже гораздо позже до меня дошло, что она ими неспроста любит.

Надо сказать, отменным терпением обладали и экспертессы, которые мной занимались. Их звали Ровена, Флутера и Арта. На них была униформа – бежевые блузы и темные плиссированные юбки. Чем-то они были меж собой похожи, только разного роста и комплекции.

За главную у них была Ровена – здоровенная, как феминOID, чуть ли не с меня ростом, а я мало кого встречала, кто был бы ростом как я. У этой Ровены манеры продвинутой, и осанка то что надо – как у профессиональной танцовщицы. Только лицом она не вышла. Ей ассистировали узкоглазая Флутера и толстячка Арта, они отвечали за всякие приборы, – в общем, собирали в кучу весь тот бред, что я им городила, и потом анализировали. Флутера запомнилась мне чуть ли не единственным словом, которое я от нее слышала, – «Старт!». Толстячку Арту я про себя звала Черепахой, она еле ползала и вечно тарасилась, точно собирается снять. Мне было не по себе, когда я оставалась с ней тет-а-тет.

Ровена заставляла меня вспоминать подробности наших встреч с Дашери и предупреждала, что эти допросы могут затянуться надолго, если память моя не заработает. Мало-помалу эти допросы превращались в зануднейшие мозготрепки. На меня цепляли датчики, давали какие-то вспомогательные таблетки, и я часами несла бредятину, а когда вспоминала, что по плану должна быть чистка зубов, впадала в очередную истерику. Ровена внимательно разглядывала меня а, когда я затыкалась, говорила:

– Стоит ли так беспокоиться о зубах? Если они выпадут, мы вам заменим их на пластмассовые. Пластмассовые зубы не хуже натуральных, единственный минус – желтеют.

Она нарочно это говорила, чтобы побесить меня. Я снова плела все, что в башку лезло, вспоминала то, чего никогда не было, и за неполную декаду они успели записать с моих слов целую мыльную оперу.

Однажды Ровена привела двух незнакомок и они втроем стали объяснять мне, что приборы выявили, будто у меня в башке сидят какие-то хитрые программы, о которых я даже и знать не знаю, поэтому надо проводить углубленное обследование. После этого они просканировали мое серое вещество – часа два мучили, но к счастью у меня там ничего подозрительного не нашлось. Но на этом они не успокоились, а устроили мне самый настоящий гипноз. Пришла долговязая маскулина с огромным носом и страшными глазищами, – небось, в Лаборатории Тела ее с такой рожей нарочно для гипноза создали. Сперва она на меня пялилась часа три, а потом вдруг спрашивает: а какой сегодня по счету день декады? Я ей ответила, а она говорит: хорошо ли вы разбираетесь в нейрокодах? Я ей отвечаю: меня уже об этом спрашивали, спросите что-нибудь полегче. Тогда она покачала головой и говорит Ровене, что глубже гипнотизировать опасно, потому что гипноз отключает волю сильнее, чем эффеКтинг. Она еще кучу всего наболтала, но я не очень хорошо поняла, – выходило так, будто бы без волевого усилия нужная инфа то ли сотрется, то ли перемешается с инфомусором, и тогда из меня вообще нельзя будет вытащить ничего полезного. Я почувствовала себя феминOIDом, которого собираются отправлять на свалку.

После этого Ровена с Флутерой при мне долго совещались. Сперва хотели перевести в другую контору. Несколько раз при мне упоминали какую-то комиссию, но потом надумали поковыряться у меня в мозгах еще одной штуковиной, у них ведь в запасе была куча всяких изуверских методов. Ровена привела важную фему – всю в белом, из продвинутых. Они часа

два разглядывали что-то в мониторе, спорили между собой, но я вообще ни слова не поняла. Черепаху послали за госпожой Букерош, и, когда она пришла (а с ней еще три фемы), то та, что была вся в белом, говорит: «Что ж, Анна, поздравим друг друга. Веришь или нет, но это и есть тот самый архоз. Можно сказать, академический случай. Музейная редкость. Госпожа Клевеланд будет счастлива». Тут все зашумели и долго спорили. А потом госпожа Букерош говорит: «Мы знаем, что надо делать».

На следующий день они решили применить ко мне древнюю эзотерическую методику – психоанал. Эта штука вписывается прямиком в память. Ровена сказала, сначала мне необходимо дать согласие, то есть нужно было просто положить палец на специальный датчик. Тут уж я задумалась: раз можно выбирать, стоит ли спешить? Сперва надо поломаться, выяснить, что я буду с этого иметь. Короче, говорю я им так: знаете, что, нет у меня охоты лишний раз засорять себе мозги, они и без того замусорены.

Стала меня Ровена убеждать, а я ни в какую. Пришлось ей снова звать госпожу Букерош. Та напомнила мне, что она моя куратрица, а значит, я должна ей доверять. А потом говорит, что в моей жизни все может круто измениться в лучшую сторону, но без психоанала это вряд ли. Дело в том, что эта штука реально способна улучшить мою память и научить правильно думать. Я спросила, а разве сейчас я думаю неправильно? Она говорит, что, к сожалению, у меня есть кое-какие проблемы с логикой. Но если эти проблемы решить, я научусь думать более продуктивно. Вреда от психоанала не будет, зато эта штука может мне в будущем сослужить хорошую службу в деле поднятия рейтинга. В общем, она меня в два счета убедила.

– Ладно, – говорю, – запикивайте в меня этот ваш психоанал.

Ко мне тут же прислали психотерапевтессу, и она растолковала, что значит «быть психоанальной». Когда ты пытаешься что-нибудь осмыслить, важно не упрощать и не упускать детали. Надо быть предельно внимательной и рассудительной. А главное, столкнувшись с чем-то новым, не стоит тут же подводить это новое под старые убеждения, а надо постараться его понять, рассмотрев с разных сторон.

Чтобы мне было яснее, психотерапевтесса рассказала мне историю о слоне в темной комнате, и трех фемах, которые пытались определить, что за предмет перед ними. Первая фема потрогала слона за бок и сказала, что перед ней, скорее всего, диван-трансформер, вторая потрогала за хобот и сказала, что, возможно, это детектор исповедални, а третья потрогала за хвост и, смутившись, сказала, что это похоже на игрушку из салона эротинга. А когда включили свет, фемы очень удивились.

Шаблонное мышление непродуктивно, хотя и удобно, сказала психотерапевтесса. В принципе, на шаблонах можно прожить всю жизнь. Пока ты не встречаешь слонов в темных комнатах, у тебя не возникает чувства, что ты не понимаешь жизнь. Но если судьба заставит выбраться за пределы зоны комфорта, тогда шаблоны перестанут срабатывать, потому что элементарно не будут соответствовать ситуации. И тогда произойдет сбой.

– У этого явления есть специальный термин – экзистенциальный кризис, – сказала психотерапевтесса. – Психоанал, конечно, не спасение, с ним вы не станете с утра до вечера вкушать сплошное счастье и позитив. Даже наоборот, с ним вы начнете по-настоящему сомневаться, но это будет продуктивное сомнение, и вы научитесь смотреть на вещи с разных сторон, а это активирует мозг, что для вас сейчас особенно важно.

В общем, это выглядело вроде как и хлопотным делом, но я на эту идею все-таки запала.

Короче, они меня апгрейдили, как феминоида, которого передумали выбрасывать на свалку. До сих пор не возьму в толк, хорошо это или плохо, но одно знаю наверняка – с тех пор, как эту прогу в меня вмонтировали, мозги реально заработали. Психоанал – любопытная вещица, и я рассказала бы вам подробнее о нем, но меня заставили дать присягу о неразглашении, так что вы уж простите.

Дня через три после того, как меня прозвали музейной редкостью, в беседе тет-а-тет госпожа Букерош снова вернулась к разговору о том, что в моей жизни скоро произойдут перемены. Она сказала, что я исключительное в своем роде явление и могла бы добиться в жизни куда большего, чем есть. Во мне якобы присутствуют какие-то особые задатки, некий скрытый потенциал, и его надо всячески упражнять и разрабатывать, но пока этому есть серьезная помеха, и она во мне с рождения. И как раз сейчас где-то там в верхах решается вопрос о том, как эту помеху поаккуратнее убрать и что со мной делать дальше.

Честно говоря, мне стало не особо радостно от этих разговоров. Не очень-то хотелось, чтобы где-то там в верхах вообще обо мне думали и тем более что-то там насчет меня решали.

– Значит, со мной все-таки что-то не так? – говорю.

– У вас особая структура мышления, – отвечает она. – Вы используете ваш интеллект избирательно. Тесты показали, что ваш ай-кю не слишком высок, но при этом во время наблюдения вы с легкостью решали некоторые задачи, которые под силу лишь настоящим интеллектуалкам. Крайне необычная акцентуация. Мы полагаем, этот феномен может быть связан с вашим архозом.

– То есть, если поднапрячься, я могла бы стать полупродвинутой? – захихикала я, решив, что она подтрунивает. – А может, даже продвинутой, как вы?

– Все возможно, – говорит она. – Вы ведь учились в хорошем гимназии, у вас такие талантливые подружки. Вам двадцать семь лет, но у вас до сих пор голая футур-карта. Почему вы не верите в себя?

Я вздохнула. Госпожа Букерош взяла меня за руку.

– Не грустите, – сказала она. – Психоанал позволит вам отформатироваться, и вы сможете начать жизнь с чистого листа.

– То есть я перестану быть собой? – испугалась я.

– Ни в коем случае, – говорит она. – Наоборот. Вы обретете себя и сможете решить, каким будет ваше будущее. А пока отдыхайте.

Несколько дней меня не трогали, и в эти дни со мной и впрямь стало кое-что происходить. Вы не поверите, но благодаря психоаналу мои мысли начали мало-помалу выстраиваться в цепочку. Казалось, они превратились в каких-то маленьких сказочных тружениц и теперь разгребают старые завалы.

Понемногу в башке все стало налаживаться. Не то, чтобы до этого я была полная дура, но я вдруг поняла, что много чего упускала из-за того, что мыслила слишком поверхностно. Я стала припоминать некоторые давно позабытые подробности событий и примечала такое, на что прежде и внимания не обратила бы. Например, я вспомнила, как Дашери собрала свое самое первое лыби. Странно, что я потом это забыла. Я в то время как раз строила всякие домики из конструктора, и она мне прямо на этом примере и растолковала, что к чему. Это вроде того, как сочиняют головоломки – их сочиняют задом наперед: сперва выдумывают ответ, а уж потом приделывают к нему решение. То же и с лыби – первым делом обдумывается результат, а уж дальше прокладывается к нему дорожка.

Дашери свой самое первое лыби испробовала на нас с Фарри. Видели бы вы, как мы ухахатывались, – аж до колик, а я вообще едва не уписалась. Хотя, вроде, никакого повода для смеха не было, улыбка как улыбка, но, стоило глянуть на Дашери – и сразу истерика. А после она сказала, что и сама понятия не имела, как мыотреагируем. Вот что такое улыботворчество.

Кроме этого я припомнила еще кучу всяких подробностей, стала мало-помалу связывать их в цепочки и, когда рассуждала, мысли мои получались непривычно толковыми, чего со мной прежде не бывало, и это казалось мне занятным. Все вокруг стало как-то проясняться, что ли. Я запросто справлялась с такими вопросами, над которыми прежде пришлось бы помучиться.

Уж не знаю, насколько сумела удовлетворить своих мучительниц, но на утро восьмого дня Ровена сказала, что обследованию конец. Никаких нейрокодов, вирусов и чужеродных программ во мне не найдено, и это уже окончательное заключение, с чем она меня и поздравляет. Но тот самый архоз, о котором мне уже говорила госпожа Букерош, все-таки надо исправлять, потому что жить с ним в теперешнем обществе просто недопустимо. Она сказала, что кое-кого эта штука очень заинтересовала, и поэтому я прощаюсь с Каллионой и, согласно какой-то особой государственной программе, лечу в храмоторий закрытого типа, где эта кое-кто меня уже с нетерпением ждет.

– И где же этот храмоторий? – спрашиваю осторожно и чувствую, как каждая моя клеточка готова заверещать от восторга, я ведь ни разу в жизни не выбиралась за пределы Каллионы.

– Там, во внеполисной зоне, – сказала она. – На побережье Розового моря. Устраивает?

Омайгат! Я завизжала, захлопала в ладоши и стала прыгать на одной ноге вокруг Ровены. Когда я успокоилась, Ровена еще раз повторила, что есть особая государственная программа, и зря я надеюсь, что в храмотории буду отдыхать, потому что на самом деле мне там придется сотрудничать с какими-то научными службами того же самого Института, – причем, не просто сотрудничать, а, как они рассчитывают, самоотверженно трудиться. Хотя, бояться не надо, ведь там будет все то же, что и здесь – опросы, разговоры плюс еще какие-то тренинги. Она мне все растолковывала, а я все слушала, слушала, и никак не могла побороть идиотскую улыбку.

Ах, мои дорогие сестрицы, сейчас-то я в полной мере осознаю, что до того, как в Институт угодила, я была катастрофически наивна и не смогла даже как следует понять, в какую беду попала. Но, может быть, это была абсолютно чудесная наивность, и если бы не пропала Дашери, я могла бы прожить мою жизнь безопасно и спокойно – даже со спрятанным во мне архозом. Может быть, лучше было бы целую вечность теревить клиенткам пиписьки и висеть где-нибудь между нулем и плюс одной, нямкать порошковое пюре, прихлебывать зеленый чаек, прясть на старенькой прялке, смотреть сериалы и время от времени заканчивать старую жизнь и начинать новую. Неужто я так уж сильно нуждалась во внимании всяких там агентств и тем более институтов? Я ведь раньше и понятия не имела, что за птицы – все эти продвинутые и полупродвинутые. По правде говоря, я даже не знала толком, что такое Институт Общества. Все мои представления о властях ограничивались тем, что Институт выдумывает законы, а Рейтинговая Академия их исполняет – это в меня еще в гимназиуме вбили. Но в то время прога, которую они в меня загрузили только-только еще начинала действовать, и я еще была катастрофически глупа.

Я твердила про себя как полоумная: Розовое море, Розовое море! Другой мир, лучшие пляжи, фешенебельные отели, мегапродвинутый релакс! Все рекламы курортов, которые я когда-либо видела, восстали из памяти и толпой набросились на мое помутневшее сознание. Я даже принялась сдуру что-то бормотать насчет скудного гардероба, но Ровена велела заткнуться, и меня, опьяненную фантазиями, отвели в комнату.

После восьми дней допросов это был серьезный удар по психике. С одной стороны меня собирались изолировать для новой порции мучений, а с другой, когда я оттуда выберусь, то смогу в каждом резюме, в каждой характеристике, при каждой подаче заявления указывать, что с такого-то по такое находилась на побережье Розового моря, и любой навигатор это подтвердит.

От избытка чувств я проплакала весь вечер на кровати, и от этого у меня вся физиономия распухла и стала рыхлой и бледной как манный пудинг. Потом пришла госпожа Букерош и с порога спросила как бы между прочим, могу лия объяснить, зачем в ночь с четвертого на пятое седьмой «л» -декады я стояла голая среди деревьев в двухстах метрах от городской стены.

Сказать, что этим она вернула меня в реальность, – ничего не сказать. Меня к тому времени опустошил плач, просто выжал из меня все соки. Мне сделалось тошно и холодно, и я поняла, что она еще та штучка, эта Букерош, то есть настоящая стерва.

Помню, я стала просить прощения, а она молчала и продолжала, как обычно, разглядывать мои ноги: до сих пор этот ее взгляд помню – глаза умные, серьезные, и понимаю, что они вроде и не злые, но видеть их не могу.

Может, Анна Букерош и не ждала никакого ответа, а просто хотела посеять во мне сомнение и показать, что я у нее на коротком поводке. Я отвернулась к стене и закрыла лицо руками. А когда она ушла, у меня случился непродолжительный, но до ужаса болезненный приступ анальной эпилепсии.

Глава 2. Фарри Мккрай

Королева улыбки! Кто первой так сказала о Дашери Крис? Кажется, одна из постоянных клиенток, возможно, Дора Суон или Гила Раба: и та, и другая посещали салон «Пазифею» регулярно все эти годы – не пропускали ни одного нового семинара. Теперь, вторя им, все называют Дашери королевой.

Дашери Крис, Черная Мими – иллюзионистка высшего уровня, она умеет делать восхитительные лыби из ничего. Ее искусство называют «игрой в бисер» по аналогии с романом средневековой писательницы Гермiony Гессе. Черная и прекрасная. Узкое, чуть вытянутое лицо, широко поставленные глаза пепельного оттенка, почти европейский нос, пухлые и нежные, как у фемины, губы. И конечно, сказочная улыбка.

Фарри любила рисовать это лицо. Фарри была поклонницей и отчасти последовательницей своей супруги. Иногда ей в голову приходили строки, которыми когда-то в будущем начнутся ее мемуары о Дашери Крис, Фарри записывала эти строки в особый файл под названием «Черная Мими».

Некоторые адепты улыботворчества считали Дашери чуть ли не первооткрывательницей этой утонченной разновидности эффектинга, но справедливости ради надо напомнить, что на самом деле авторство принадлежит, конечно, не ей, а одной малоизвестной поэтессе Арбери Готт. Полвека назад эта скромная труженица пера явила широкому кругу зрителей первую программирующую улыбку, придуманную ею спонтанно на каком-то литературном споре и позже кое-как обтесанную одной имиджмейкерессой по имени Тая Чен. Арбери Готт продемонстрировала магию улыбки в эфире, чем и прославилась, и за это сразу же ухватилось несколько мелких фирм, одна из которых, «Ниссейская нимфа», даже создала целый отдел улыботворчества. Было разработано пять базовых улыбок для переговоров и несколько десятков на все случаи жизни, но ожидаемой популярности они не имели. Причина в том, что традиционные методы эффектинга продолжали сохранять в обществе непререкаемый авторитет, а овладение искусством улыбок казалось таким же сложным, как, например, изучение иностранного языка без применения гипноинсталляции.

Мастодонты эффектинга из числа корпораций вроде «Неоптолемы» или «Астарионы» не приняли всерьез случайное изобретение Арбери Готт, зато лет через пять после первого сообщения о потенциале программирующей улыбки стало известно, что все права зарейтингованы и монополизированы быстро развивающейся эффект-студией «Новый день». Вскоре по всему континенту возникла сеть салонов по постановке улыбок. В эфире обрело популярность шоу «Улыбнись». Улыботворчество прочно вошло в моду.

Манипулирование улыбкой – тончайшее из искусств. Впрочем, любая из разновидностей эффектинга заслуживает уважения. Раньше мистрессы недооценивали его возможности. Допустим, у вас неожиданно сменилось настроение – пропал интерес к жизни или наоборот появилась беспричинная тяга к новому – на девяносто процентов это целевое воздействие эффектинга, на десять – гормональные колебания. Когда ученые детально изучили влияние эффектинга на мистресс, были придуманы законы, регламентирующие его использование. Правда, применение эффектинга не ограничили, а наоборот – стали всячески поощрять. Началось то, что Институт Общества назвало нейро-лингвистическим прогрессом.

Статистика Рейтинговой Академии утверждает, что за последние пятьдесят лет общество заметно поумнело. Если сравнить современную мистрессу с людьми, жившими в первые сто лет после Революции Шлиман, то выяснится, что нынешние мистрессы и утонченнее, и позитивнее в отношении жизненной необходимости. Чем меньше в мистрессе пережитков маскулизма, тем меньше лени и желания упростить, схематизировать и рационализировать технологию, и тем больше естественного стремления к истине и красоте. Правда, Институт

Общества к этой точке зрения относится якобы с осторожностью, но говорят, это не более чем политические игры.

Фарри Мккрай знала Дашери с детства – с тех невинных лет, когда атавистические инстинкты еще преобладают над принципами общества. В пять лет мистресса отстаивает свою животную природу в борьбе с йецерарой, в семь – впервые серьезно задумывается над смыслом жизни, в десять осуждает все грубое и маскулинное, что тянет назад и представляет зло для общества-ня. Но в тринадцать приходит сострадание, зарождается великодушие, – в тринадцать мистресса – будь она юная фема или угловатая бучка с атавистическим пушком над губой и начавшим ломаться голосом – если она была прилежна и внимательна, если правильно взрослела, искренне стремилась понять свое предназначение, а не просто утвердиться среди сверстниц и казаться лучше других, – тогда сердце ее открывается для любви, она становится адептессой милосердинга. Приходит чувство ответственности, вырабатываются моральные принципы. Она не станет насмехаться над проявлениями маскулизма, а протянет руку помощи, и с этих пор рейтинг ее будет расти сам по себе. Не все одинаково одарены судьбой, но у всех есть право старательно учиться. Каждая это знает, но, увы, не у всех получается.

Дашери могла быть бесконечно великодушной, в душе Фарри обитали противоречия.

В гимназиуме, когда они были еще только подругами, Фарри называла Дашери своей ласковой Черной Ня: конечно, если Иллки-замарашки рядом не было.

Дашери не была с Фарри нежнее, чем с другими гимназистками, – скорее, держалась со всеми одинаково ровно, – но Фарри безумно хотелось, чтобы ласковая Черная Мими и она считались помолвленными, и чтобы это касалось только их двоих и больше никого.

Одной из немногих привилегий, которых Фарри удалось добиться, было право первого танца с Дашери на вечерах и балах. Это не выглядело как снисхождение со стороны Дашери, а скорее как милый дружеский жест.

Второй безусловной привилегией была возможность большую часть времени находиться рядом. Хотя, надо заметить, что уединению Дашери предпочитала общественные места и, даже находясь рядом с ней, Фарри нечасто удавалось почувствовать атмосферу близости и единства душ в той мере, в которой хотелось бы.

Фарри сердилась на бестолковую Иллку за то, что Черная Мими ее жалела и тоже позволяла быть сколько угодно рядом. А Иллка, пользуясь этим, привязалась к ним настолько, что со стороны могло показаться: Фарри, Иллка и Дашери – три подружки «не разлей вода».

Когда Иллка болтала глупости, Дашери улыбалась, и на щеках у нее появлялись ямочки. Фарри считала, что улыбаться глупым Иллкиным шуткам неуместно, но она никогда об этом не говорила. Она молча любовалась улыбкой Дашери, и ей всегда хотелось целовать эти милые ямочки. И конечно, она знала, что на самом деле Дашери смеялась не над Иллкиными шутками: это была улыбка любви и сочувствия, – так учат относиться к гимназисткам младших классов.

Фарри ругала себя за собственную ревность и упорно с ней боролась. За каждую свою колкую шутку в адрес Иллки она придумывала себе изощренные кары вроде отказа от сладостей или прибавления к медитации лишнего часа (благо, Иллка об этом не узнала). Несмотря на все мучения, Фарри так и не избавилась от желания владеть своей ласковой Черной Мими безраздельно. Впрочем, позже, когда они выросли и все втроем подали заявление на брак, и когда бедняжка Иллка не прошла тест, отношение Фарри к ней переменилось, и, несмотря на то, что Иллка не влилась в семью, Фарри считала ее своей.

Волосы Дашери после мытья были как огромный пушистый шар. Фарри знала почти три десятка разных способов плетения косичек. Она обожала ухаживать за этими курчавыми негритянскими волосами и умела превратить миловидную головку Дашери в произведение искусства.

Дашери нельзя не любить, и нельзя не страдать из-за этой любви, и, конечно, причина не в Дашери, а в несовершенстве Фарри. Она не в силах это изменить. Даже бестолковая Иллка, которая тоже, разумеется, ревновала и мучилась, могла бы прекрасно понять Фарри, если бы та ей во всем призналась. Но Фарри не признавалась. Ни разу она не опустилась до того, чтобы показать Дашери свою слабость и выразить низменные чувства, – в худшем случае она могла прокусить губу до крови, но ни за что не омрачить настроение любимой своими эгоистическими притязаниями. И Фарри не оставалось ничего другого, кроме как старательней учиться искусствам, глубже медитировать и шире открывать сердечную чакру.

Фарри училась изо всех сил, и, кажется, ласковая Черная Мими ее за это уважала, и Иллка уважала, и другие гимназистки тоже.

На последнем году учебы Фарри увлеклась рекламой, внесла ее в свое плане, и хотя основа этой отрасли – традиционный NLP-манипулирование, в немалой степени Фарри помогали уроки по улыботворчеству, которые ей давала Дашери.

Они заключили брак на следующий год после окончания бакалавриата. Два года Дашери проходила практику поочередно в разных салонах Каллионы, а потом открыла «Пазифею».

«Улыбка – ключ от мира другого», – сказала она однажды.

Улыбка может сотворить любовь, усыпить внимание, оживить прошлое, заставить рыдать и даже, как утверждала сама Дашери, привести к настоящему просветлению. В построении улыбки участвует большая часть лица, и, безусловно, этот инструмент гораздо сложнее и богаче языка мистресс. Под кожей таятся тысячи мышечных волокон, и к каждому из них подходит нейрон. Голос улыбки подобен голосу фантастического пианино, на котором играет совершенный многорукий музыкант – мозг мистрессы. Все это, конечно, сухая теория, и каждая в состоянии повторить простые слова. Но далеко не всякая способна постичь тонкости улыботворчества – этого искусства из искусств.

Откуда у Дашери такие способности, неизвестно. Видимо, природа в лице Лаборатории Тела дает мистрессе не только животные инстинкты, трудоспособность и право выбора, но порой и уже готовые знания.

Если бы не специальные тесты, никто бы из преподавательниц и учениц не смог объяснить, чем эта симпатичная немногословная чернокожая буча завоевала такой авторитет в гимназии.

Искусство улыбки поощряется, и все понимают, что последствия каждой улыбки на совести ее создательницы. В благородстве ласковой Черной Мими Фарри никогда не сомневалась. Напротив, она гордилась феноменом Дашери, как своим собственным. Впрочем, она и сама неплохо освоила базовый язык улыбок, хоть самостоятельно смайл-композиции придумывать не умела. В работе ей хватало и тех знаний, которые она освоила.

В Каллионе шесть или семь высокорейтинговых салонов постановки улыбок, из них «Пазифея», созданная королевой улыбки, – самая популярная.

Фарри наотрез оказалась, чтобы Дашери делилась с ней рейтингом по праву брачных отношений, хоть сама понятия не имела, отчего так поступила: по крайней мере, дорогие подарки, которые дарила ей иногда Дашери, она принимала без смущения.

Они обе относились к той категории, которую неофициально именуют «полупродвинутыми», и проживали в квартире, предоставленной рейтинговым агентством с учетом общей суммы их лайков. Квартира располагалась чуть ли не под самой сферой – на верхнем, триста тридцать третьем, этаже одной из Гелиад. На свой собственный рейтинг Фарри могла и сама жить, припеваючи, но Дашери, внесла в их жизнь элемент роскошества уровня экстрэ-ня. Они чувствовали себя почти-Женщинами.

Фарри и Дашери виделись по вечерам, сидели у головида, держась за руки, или на террасе, любуясь вечерней Каллионной. Заоблачная высота и розовое сияние! Болтовня обо всем

и ни о чем. Фарри казалось, что она счастлива в браке. Жизнь была стабильной, и ничего не предвещало беды.

Но однажды все изменилось.

Пять декад назад Дора Суон привела в «Пазифею» продвинутую фему, которую звали Инга Джи, – высокую дородную блондинку с короткой стрижкой: красивое лицо, хорошо поставленный натуральный голос, правильная речь.

Госпожа Инга Джи работала консультантом по брачным коммуникациям и имела какое-то отношение к Институту Общества. Она объяснила Дашери, что пришла из любопытства, и хотела бы освоить самые азы.

Вечером Дашери показала запись Фарри: она всегда делилась новостями. Блондинка сразу не понравилась Фарри. Не отпустило подозрение, что кроме любопытства есть что-то еще.

Она оказалась права: госпожа Джи буквально прилепилась к Дашери. Она приходила в салон ежедневно. Всякий раз, когда Фарри заглядывала в «Пазифею», она наткнулась на госпожу Джи, – та всегда торчала рядом с Дашери.

– Она из тех, кто не любит ждать, – улынулась Дашери, когда однажды вечером Фарри, не сдержавшись, стала ее допытывать о блондинке.

Все бы ничего, но воображение госпожи Джи приняло характер стихийного бедствия и стало распространяться за пределы стандартной программы. По ее совету три декады назад Дашери устроила мультитыби – развлекательно-увеселительную акцию. Мультитыби – это самораспаковывающаяся вирус-улыбка, передающаяся через друзей и знакомых. Инга Джи привлекла к делу программисток и перевела на футур-карту Дашери сорок лайков. Заказ предусматривал разработку улыбки, которая: 1) появлялась бы на лице «зараженной» при каждой попытке с ней заговорить; 2) «заражала» бы собеседницу, наделяя возможностью заражать других в течение некоторого времени; 3) вызывала бы состояние безотчетной радости и 4) по истечении времени навсегда стиралась из памяти. Специалистки, которых она привела, должны были помочь Дашери в разработке пунктов «2» и «4».

Дашери предупредила, что теперь какое-то время ей придется задерживаться в салоне, но она постарается, чтобы это закончилось как можно скорей. Фарри поинтересовалась, реально ли вообще выполнить этот необычный заказ, и, получив утвердительный ответ, на следующий же день обо всем доложила в рейтинговое: неприятности ей были ни к чему. Дело не дошло до разбирательства: агентесса из отдела приема заявлений поблагодарила Фарри за участие и со всей вежливостью объяснили, что ничего противозаконного в акции она не находит, даже напротив, каким-то там пунктом какой-то главы Общественного Кодекса предписано «всемерно способствовать распространению чувства благодати и позитивного настроения». «Выходит, этот проект можно расценить не иначе как общественную акцию доброй воли», – сказала она.

Программистки, которых привлекла Инга Джи, служили, как потом выяснилось, в небольшой, но солидной фирме, которая когда-то отсоединилась от «Неоптолемы». Чем они там конкретно занимались, Фарри не знала – как раз в это время ей самой привалило много незапланированной работы. Она лишь догадывалась, что группа разрабатывает какие-то новые нейрокоды.

И вот однажды Дашери исчезла.

Глава 3. Иллка Брук

Помните Трупедроксуса? Ну, того, что из мультвов? Так вот, в малолетстве мне частенько досаждала мысль, что между нами много общего.

В общем-то сперва я от других бучек ничем особенным не отличалась, кроме разве как слишком большим ростом. В гимназиуме звезд с неба не хватала, хотя у меня был неплохой рейтинг по гимнастике благодаря крепким рукам и ногам. Да еще по рисованию худо-бедно вытягивала. Преподавалки в нашем второразрядном гимназиуме были не ахти какие продвинутые, так что нам по большей части вместо настоящих занятий ставили виртуальные. Хотя все эти виртуальные занятия, я вам скажу, до одного места, потому что опыт из них выносишь тоже виртуальный. Вообще-то, считалось, что у нас хороший гимназиум, но это вранье. По правде говоря, большинству из преподавалок было на нас плевать. Нас, конечно, учили красиво ходить, прямо сидеть, любезно разговаривать, делать реверансы, разбираться в тряпье, косметике и прочих нужных вещах, ну что это за образование?

Так вот, когда я смотрела поучительные мульты про балду Трупедроксуса, в особенности те серии, где он напяливал самцовые одежки и корчил из себя брутального мачо или солдафона, или то и дело норовил пописать стоя, хоть и потеха, но мне казалось, что вся эта жуткая дрянь и во мне прячется. Я выросла, а мне все так же кажется, что в душе дрыхнет какое-то безобразное чудо-юдо. Конечно, для того все это и понапридумывали, чтобы показать, как не следует делать. Оно-то так, но с другой стороны, раз уж нас учат быть кроткими и мимишными, то для чего развращать детские умы карикатурой поехавшей недоженщины?

А может быть, Трупедроксуса для того и выдумали, чтобы вычислять в толпе таких, как я, и чтобы на свет выходило то, что внутри спрятано. Выходит, это был тест, который я не прошла. Ну, да ладно.

Конечно, я не ожидала, что госпожа Букерош, а с нею толстячка Черепаха направятся на побережье Розового моря вместе со мной. Так что у меня был немаленький удивленчик, когда на следующий день они, добравшись первыми, встретили меня на посадочной террасе.

На госпоже Букерош красовались широкополая шляпа и салатого цвета сарафан, очень подходивший к ее глазам.

Черепаха помогла мне вылезти из авиетки (авиетка была хоть и межполисная, но мне с моими габаритами даже в такой тесновато). Во время приземления я успела заметить море, а отсюда, с террасы, его не было видно. Небо, как и положено, застилала сфера, правда купол ее висел раз в десять ниже, чем в Каллионе.

Меня повели к овальному входу. Он был похож на пасть огромного животного, и это немного пугало. Я оглянулась еще раз и увидела заостренные верхушки деревьев, они торчали из-за парапета террасы. Помните финальную сцену из комедии «Твоя няшная мими», там были точь-в-точь такие же деревья – кажется, они называются кипарисы.

Мы вошли в коридор, и я перестала слышать свои шаги: тут и пол, и потолок, и стены были покрыты мягким материалом, и таким разноцветным – аж в глазах зарябило. И еще в нос ударил дурацкий запах, – я различила цитрусы и жажобу, – ни то, ни другое с детства не люблю.

Госпожа Букерош обогнала меня, а Черепаха шла сзади.

И вот идем мы, и я поглядываю на бедра и попку госпожи Букерош, обтянутые тоненьким ситцем. Попка так мило виляет из стороны в сторону, а я смотрю на нее и думаю, что мне надо как следует постараться, надо быть паинькой и ни в коем случае нельзя ныть. Тогда они решат, что я исправляюсь, и, может, за это мне перепадет пара-тройка деньков релакса на каком-нибудь из местных пляжей. Мне захотелось как-то показать им, что я действительно намерена

быть хорошей, но я не знала, с чего начать. Я обернулась к Черепахе и спрашиваю как можно приветливее:

– А далеко тут еще?

А та мне холодно:

– Увидите.

Бу-бу-бу... Если эта зануда останется тут, непросто мне будет из себя мими изображать.

И тут меня что-то кольнуло. А с чего это я, собственно, разохалась? Кругом одни чужачки, все только и делают, что юлят, а я вся в розовых мечтах. Да ведь я не имею ни малейшего представления о том, что случилось с моей любимой подругой Дашери – самой близкой мне на всем белом свете. И вместо того, чтобы ломать башку над этой страшной тайной, забиваю ее себе всякой чепухой. А что если бедняжка Дашери где-нибудь скрывается от таких же вот непрошибаемых черепах, и ей ужас как нужна моя помощь? А я тут корчу из себя этакую умняйку и наговариваю на свою лучшую подругу.

Мне стало не по себе. Даже ноги отяжелели, и я запнулась на ровном месте, едва не грохнулась.

Тут мы вошли в открытую дверь лифта и поехали куда-то вниз, в подземелье.

Поскольку, дорогие мои сестрицы, как раз на этом месте начинается одна из интереснейших глав моей жизни, к ее изложению, пожалуй, стоит приступить с более подробного знакомства с госпожой Букерош.

Как я уже вам говорила, внешность у нее не особо рекламная, хотя непривлекательной ее тоже не назовешь. В общем, такая из себя задумчивая блондиночка с неплохой фигуркой. Что в ней особенное, так это глаза – зеленющие, прямо какие-то изумруды. Только брови всегда немного нахмурены, словно она постоянно про себя какую-то сложную задачу решает.

И еще движения и жесты у нее забавные. Бывает, как-то странно кивнет головой или развязно откинется в кресле (правда, я и сама так делаю), а иной раз, когда разговорится, то руками размахивает, аж смешно, честное слово. В общем, то ли светлейшая госпожа Букерош про эффекинг совсем забывает, то ли есть у нее плохие привычки вроде тех, что водятся у разных бучек-нулевок (я-то в таких вещах знаю толк, потому что самой приходится бороться с разными дурацкими наклонностями). Сперва меня это удивляло, но вскорости я привыкла, тем более что все эти странности, как ни странно, даже шли ей, да и проявлялись мимолетно, а в остальное время она держалась как форменная аристократка.

Я и раньше не до конца ее понимала и сейчас не до конца понимаю. Таких Женщин, как госпожа Букерош, нельзя полностью понять. Словом, я для себя решила так, что раз уж она сумела заполучить свою тыщу, стало быть, все оки-оки. Должно быть, для продвинутых подобные причуды (это я о жестах и тому подобном) в порядке вещей, я ведь не в курсе, чему их там в университетах учат: семь лет гимназиума да год младшего бакалавриата – вот вам и все мое образование. Хотя, кто знает, может, она и сама себя не до конца понимает, – иначе почему она такая задумчивая?

Ну, и раз уж я вам так подробно расписываю госпожу Букерош, то надо сказать еще об одной вещи. Мне ужасно нравился ее запах. То есть, я говорю не о ее духах, а о том восхитительном аромате, что исходил от ее волос. У каждой фемини своя особая нотка, но редко, когда запах дойдет до самого сердца. Я с детства любила Дашери Крис, но никогда не задумывалась, как пахнут ее волосы. Правда, такая штука с запахами у меня за всю жизнь наблюдалась не только с госпожой Букерош. Никогда не забуду одну феминяшку по имени Тили, – нам было лет по девять, и мы сидели за одной партой. Так вот, у меня от ее запаха прямо в глазах темнело. Ну, и еще пару раз подобная штука приключалось на эротинге, хоть я там проработала недолго. К нам обыкновенно приходили бучи, но изредка заглядывали и фемы

из нижних – разные, там, пятки-десятки. И вот, на разогреве, бывало, почувствую сладость, правда, это было послабее, чем в случае с Тили.

Но вернемся в храмоторий Ханы Гензиберг.

Лифт был рассчитан отсылы на четверых, и мы едва не касались друг друга. Сбоку стояла госпожа Букерош, сзади – угрюмая Черепаха и еще какая-то фема из местных. Я думала о том, что ждет меня внизу. Особенно действовало на нервы присутствие Черепахи, которую я не ожидала тут встретить. Да еще не выходило из головы то, как обидно госпожа Букерош вчера намекнула на случай в лесу. Впечатление от ее запаха добавилось ко всем этим переживаниям, и мне стало тревожно.

Лифт остановился, мы вышли в коридор. Тут было просторно и светло. Впереди – холл полукругом, вместо стен – даль, облака, – словом, все было устроено так, будто мы на поверхности.

Местная куда-то испарилась, а мы пошагали по мягким плиткам коридора. Тут уже пахло по-другому – кажется, сандал и ваниль. Я успокоилась, спрашиваю, отчего храмоторий под землей. Госпожа Букерош говорит:

– Считается, что здесь место силы, оно на глубине восьмидесяти метров ниже уровня моря. Как раз в эпицентре – зал для мистерий.

Она свернула в какой-то проем.

Черепаха привела меня в небольшую комнату с минималистичной обстановкой: кровать, стол и головид. Сказала, здесь я и буду жить до конца эксперимента. Я спросила: «Какого эксперимента?» – но ответа не дождалась, а когда Черепаха не хочет говорить, расспрашивать ее бесполезно. Она положила на кровать пакет с моей пижамой и ушла.

Я осмотрелась. По розовым обоям разбегались тонкие лианы с редкими зелеными листиками и белыми плодами типа запятых. Хуже не придумаешь. Я хотела сменить этот рисунок, но не нашла обойного пульта. Мне представилось, как днями придется валяться на кровати и разглядывать эти лианы с листиками, и от этой мысли сделалось неуютно.

Напротив кровати стояло кресло, оно было цвета переваренного яичного желтка. Цвет мне не понравился, но форма была привлекательная и как бы приглашала посидеть, поэтому я сразу в него плюхнулась.

Наверное, пришла пора крепко подумать насчет того, что со мной такое было все эти сумасшедшие дни. Пора вообще начать поглубже задумываться. Тем более, теперь во мне есть психоанал.

По глупости я наболтала разной чепухи, а хватилась слишком поздно. Если разобраться, то нехорошо я все-таки поступила. Конечно, из всей моей болтовни экспертессы во главе с госпожой Букерош мало что полезного могли для себя почерпнуть, но все же не надо было мне придумывать о Дашери всякие небылицы, будь я на нее даже сто раз обижена. Словом, я почувствовала себя предательницей. Сама не знаю, то ли няшная атмосфера, то ли компания продвинутых меня так заморочили? Слава мими, хоть теперь дошло. Может, потенциал пробудился, который мне нужно развить? Или действительно в психоанале дело? А ведь я, по правде говоря, сначала считала, все это лапша.

В общем, остановилась я на мысли, что нет худа без добра, и, пока во мне орудует эта шаманская программка, буду на нее полагаться. Может, и правда, будет от нее какая-нибудь польза.

Около часу я оставалась одна. Сперва посидела в том дурацком кресле, пока мне это не наскучило. Тогда я принялась исследовать свое новое жилье. Не найдя ничего интересного, почистила зубы, сходила в душ, натянула пижаму, которая, как и стены, была розовой, и немного помедитировала.

А потом явилась госпожа Букерош и с ней юная особа невысокого роста с каштановыми волосами и в серебристо-голубом платье до самых пят, и у меня закружилась голова. Незнакомка была чудесна в полном смысле этого слова.

Она улыбнулась мне с самого порога. Вы не поверите, но в присутствии сиятельной госпожи Букерош, которую я вам уже подробно описала, это было сравнимо с яркой вспышкой в сумраке.

Я сразу отметила, что радужки на зубах у знакомки не было, зато белизна их была просто нереальная. Но больше всего меня поразили ее глаза – какие-то серо-перламутровые – фантастические! Короче говоря, передо мной была настоящая богиня. Верите ли, я сперва даже грешным делом засомневалась, а не голография ли передо мной: слишком уж обычной, земной казалась на фоне знакомки госпожа Букерош, которая, как вы помните, светлейшая.

– Сестра Брук, это госпожа Клевеланд, профессорница. Она здесь хозяйка, – с улыбкой сказала госпожа Букерош. – Передаю вас прямо ей в руки.

Я мигом соскочила с кровати, отчебучила самый размашистый реверанс, на который была способна, и кротко потупилась. Меня, конечно, одолевало любопытство, и я зыркнула исподлобья.

– Какая очаровашка, – сказала красотка. – Что ж, добро пожаловать, дорогая! Чувствуйте себя как дома.

Как музыкально звучал ее голос! Его тембр смодулировали явно не в заурядном вокс-салоне. Как ласково и мудро светились ее глаза! Я была просто потрясена.

Наверняка, эта красотка-профессорица свое дело знает, решила я, а то, что тут, в этой курортной глуши, может позволить себе быть такой экстра-мими, скорее всего, означает, что ее красота и юность что-нибудь вроде государственной награды. Пришла бы ко мне такая чудо-красотка на сеанс эротинга, я бы к ней и дотронуться не посмела бы.

– Спасибо, наисветлейшая госпожа, – говорю.

Госпожа Букерош кивком велела мне сесть на кровать. Я послушно села и руки на колени сложила. Сама госпожа Букерош, оглядевшись, устроилась в кресле, а госпожа Клевеланд подошла к столу, оперлась изящными пальчиками о столешницу, а потом, ловко вильнув попкой, села прямо на стол, выпрямилась, откинула руками волосы, и ее лицо и шея открылись во всей своей ослепительной красе.

Сколько же этой киске лет? Как-то не очень хотелось верить, что вся ее красотища – дело рук обычной (да пусть хоть даже самой продвинутой!) фагиалистки. Мысль о том, что под этой сияющей кожей может оказаться какая-нибудь ветхая бабуля, была просто невыносимой.

Они ласково переглянулись, и тут госпожа Клевеланд говорит мне этак по-свойски, будто мы с ней давние подруги:

– Ну что? Места маловато, да? Ах, дорогая, с удовольствием бы предложила вам что-то получше, да только у нас везде так. Даже у госпожи Букерош точно такая же комнатушка, только в другом крыле. Что ж, зато демократично.

Они снова мило переглянулись, – походу, им нравилось переглядываться.

– Итак, вы должны знать, что находитесь и обслуживаетесь здесь согласно условиям государственного проекта, который называется «Альта», – продолжала госпожа Клевеланд. – Понимаю, что вам это ничего не говорит, тем не менее я обязана лично сообщать это каждой, кто попадает сюда впервые. Если будет интересно, вся информация в головиде. Да вы расслабьтесь, Иллка, тут все свои. Честно говоря, я бы предпочла видеть в вас не клиентку, а почетную гостью и хорошую приятельницу. Уверена, мы подружимся. Тем более вы далеко не обычная клиентка, поэтому вас несомненно ждут привилегии.

Я улыбнулась, стараясь выглядеть как можно более милой. Слово «привилегии» прозвучало соблазнительно и вновь оживило во мне фантазии о Розовом море.

– У нашего храмотория широкий профиль, – сказала госпожа Клевеланд. – Мы тут работаем с чем угодно – от креатива и гендера до побочных эффектов медитаций и ложного просветления. Так что вы встретите здесь разных клиенток. Поэтому присматривайтесь, знакомьтесь. Надеюсь, вы найдете здесь новых подруг и научитесь многим полезным вещам. У вас вопрос?

– Да, наисветлейшая госпожа. Хотелось бы знать, бывают ли тут прогулки к морю.

– В порядке исключения. Если вы действительно будете стараться, может быть, мы сможем рассмотреть этот вопрос.

– О, я буду стараться, обещаю вам, – говорю я ей. – Только еще я немного беспокоюсь насчет своих мозгов. Светлейшая госпожа Букерош говорила, их надо форматировать или что-то вроде того. Правда ведь, светлейшая госпожа Букерош?

– Ну, это, скорее, аллегория, – улыбнулась она. – Просто наш обычный институтский сленг. Извините, сестра Брук, если заставила вас волноваться.

– Разумеется, мы понимаем ваши переживания, – сказала госпожа Клевеланд. – Поэтому сразу вас успокою: мы здесь не используем никакой специальной аппаратуры, у нас это строго запрещено. Мы практикуем только тренинги, игры, динамические медитации и, пожалуй, еще беседы за круглым столом. И еще, думаю, это вас наверняка обрадует: здесь вас ждет безлимитное обеспечение.

– Вау! – говорю. – Вот это да! Спасибо вам, наисветлейшая госпожа. Я очень рада, что попала сюда. И теперь я ни о чем не волнуюсь, вы меня успокоили.

– Вот и славненько, – сказала чудо-красотка. – В таком случае, сегодня же займемся вашим делом. Я имею в виду выявленный у вас архоз. Только сначала мы должны сами убедиться, что он у вас действительно есть. В ближайшее время мы это выясним. Если предположение подтвердится, избавить вас от проблемы – всего лишь дело времени. Ведь архоз – это всего лишь сплетение комплексов, застрявшее в бессознательном. Следовательно, наша задача – распутать его и отпустить комплексы на свободу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.